

ВОСТОЧНОЕ ОБОЗРѢНІЕ

ГАЗЕТА

ЛИТЕРАТУРНАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ

ВЫХОДИТЬ ЕЖЕНЕДЕЛЬНО

ПО ЧЕТВЕРГАМЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

въ Россіи.

На годъ 8 р.
 » 9 мѣсяцевъ 6 »
 » 6 » 5 »
 » 3 » 3 »

за Границю

На годъ 10 »

Съ приложеніями:

Въ Россіи на годъ 10 »
 » » на полгода 6 »
 » » за границей на годъ 14 »

Приложенія одинъ въ годъ—5 р.
 Отдѣльн. номера газеты по 20 к.

Объявленія печатаются по 15 к.
 за строку на послѣдней страницѣ
 и по 30 коп. на первой.

За перемѣну адреса: иногор. на
 гор. 20 к., гор. на иногор. 50 к.

Статья и требованія адресуются въ ред.
 Сиб. Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3.

ПОДПИСКА

принимается въ Конторѣ—Сиб.
 Кавалергардская ул., д. 20, кв. 3, а
 также въ книг. маг., Вол-
 фа, Нев., Гостин. дв. № 18.
 Въ Томскѣ—въ книжномъ
 магазинѣ Макушина.

Въ Иркутскѣ—въ Конторѣ
 Редакціи газеты «Сибирь».
 Въ Омскѣ—въ книжн. ма-
 газинѣ Александра.

СОДЕРЖАНІЕ: Мѣстные выставки.—Хроника.—Переселенческое движеніе.—Корреспонденціи: изъ Екатеринбургa, Томска, Ялуторовска, изъ Семирѣчья, Омска и Ташкента.—Пушной промыселъ въ Приамурскомъ краѣ. *А. С. Ш.*—Смертная казнь въ Приамурскомъ краѣ. *М. Г. Гребенщикова.*—Путешествіе итальянца Сомье по Сибири. *П. М. Головачева.*—Дорожныя сцены. (Изъ дѣтнихъ эскизовъ). *Добродушного Сибирика.*—Хроника жизни за недѣлю.—Объявленіе.

ВЫШЛА И РАЗСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

ВТОРАЯ КНИГА

„СИБИРСКАГО СБОРНИКА“.

(Приложенія къ „Восточному Обозрѣнію“).

СОДЕРЖАНІЕ: I. Сибирскіе мученики. (Очерки жизни при-
 ковскихъ рабочихъ). Искатели счастья.—Наѣмка. *С. А. Стрѣ-
 тенскаго.*—II. На обѣтованныхъ земляхъ. (Изъ путешествія по
 Алтаю). *Н. М. Ядринцева.*—III. Ермакъ Тимофеевичъ въ исто-
 рическихъ пѣсняхъ русскаго народа. Статья II-я. (Окончаніе).
А. В. Оксенова.—IV. Схема исторіи сибирской общины. *Н. Е.
 Петропавловскаго.*—V. Сибирь какъ колонія. (Сообщеніе въ
 Вост.-Швейц. географ. Общ.). Профессора д-ра *Э. Ю. Петри.*—
 VI. Современная жизнь Сибири и ея нужды. *К. М.*—VII. По-
 ѣздка въ Ачунъ-ванцунъ, монастырь урджанинстовъ. *Г. Н. По-
 танина.*—VIII. Критика и библиографія: Атаманъ волжскихъ
 разбойниковъ Ермакъ, князь сибирскій. Истор. романъ изъ
 времени Гоанна Грознаго. Соч. Н. Чмырева. Въ 4-хъ частяхъ.
 Москва. 1884. *А. О.*—Черные богатыри. Жизнь рудокоповъ
 подъ землей. Е. Конради. Съ 55 рисунками. Изд. Ф. Павлен-
 кова. Спб. 1885. Забытый рудникъ. Разсказъ В. И. Немиро-
 вича-Данченко. Москва. 1884. *А. Н.*—Бабыя доля (разсказъ
 крестьянки). *К. М.*—Историческій очеркъ Сибири. Т. II. Сост.
 В. К. Андрѣевичъ. *К. М.*—Матеріалы для изученія юриди-
 ческихъ обычаевъ киргизовъ. Вып. I. Матеріальное право. Изд.
 Семипалатинскаго статистическаго комитета. 1886. *К. М.*—
 Перечень западно-европейскихъ сочиненій объ азиатскихъ вла-
 дѣніяхъ Россіи за 1884 и 1885 гг. *Э. Ю. Петри.*—Дополни-
 тельный списокъ книгъ, картъ и брошюръ о Сибири и сопредѣ-
 лѣльныхъ странахъ, изд. въ 1884 г.—IX. Проектъ устава сибире-
 ко-уральской научно-промышленной выставки и программы
 ея отдѣловъ.

Рисунки:

- 1) Видъ зданія Сибирскаго университета въ Томскѣ.
- 2) Портретъ Григорія Николаевича Потанина.

Подписка на „Восточное Обозрѣніе“ и приложенія продол-
 жается. Условія въ заголовкѣ. Цѣна 2-й книги „Сборника“
 отдѣльно 2 рубля. Книга продается въ конторѣ „Восточнаго
 Обозрѣнія“, у Попова (около Пассажа) и у другихъ извѣст-
 ныхъ книгопродавцевъ С.-Петербурга.

ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБОЗРѢНІЕ СИБИРИ.

П. А. СЛОВЦОВА.

Съ біографическимъ очеркомъ автора.

Цѣна 3 рубля за 2 тома. На пересылку слѣдуетъ при-
 лагать за 3 ф. по разстоянію.

Книга продается въ конторѣ «Восточнаго Обозрѣнія»,
 въ магазинѣ Попова, у Пассажа, и въ прочихъ главныхъ
 книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга, а также въ Томскѣ
 въ книжн. магаз. Михайлова и Макушина и въ Иркутскѣ
 въ конторѣ редакціи «Сибири».

МѢСТНЫЯ ВЫСТАВКИ.

Изъ циркуляра министерства внутреннихъ дѣлъ, опубли-
 кованнаго въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“, видно, что
 Государю Императору благоугодно было обратить особенное
 вниманіе на нижегородскую выставку минувшаго года. На
 этой выставкѣ были соединены вмѣстѣ два главнѣйшіе отдѣла
 народной производительности, обуславливающіе благосостоя-
 ніе народа: кустарно-промышленный и сельско-хозяйственный.
 Убѣдясь изъ отчета нижегородскаго губернатора въ громад-
 ной пользѣ, которую могутъ приносить подобныя соединен-
 ныя выставки, Государь Императоръ выразилъ желаніе, чтобы
 во всѣхъ губерніяхъ и мѣстностяхъ Россіи устраивались по-
 добныя же выставки.

Нынѣ мы читаемъ въ „Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ“, что
 во исполненіе этой воли приняты мѣры, чтобы и Туркестан-
 скій край не отсталъ въ этомъ отношеніи отъ другихъ мѣст-
 ностей Россіи. Исполнить это оказалось возможнымъ, такъ
 какъ туркестанскій Огдѣлъ російскаго Общества садоводства
 рѣшилъ уже устраивать ежегодно, въ сентябрѣ, соединенную
 садоводственную и сельско-хозяйственную выставку. Починъ
 этому дѣлу, и починъ вполне успѣшный, былъ положенъ еще
 въ минувшемъ году. Осенняя, сентябрьская, выставка прошлаго
 года встрѣчена была населеніемъ края очень сочувственно и
 заслужила общее одобреніе. Начальникъ Туркестанскаго
 края, осматривая выставку и вполне признавая ея пользу,

выразилъ желаніе, чтобы подобныя сельско-хозяйственныя выставки повторялись въ Ташкентѣ ежегодно въ опредѣленное время, на примѣръ, въ первой половинѣ сентября. Примѣръ же нижегородской выставки, обратившей на себя общее вниманіе, показалъ, что къ сельско-хозяйственнымъ выставкамъ весьма удобно и съ большою пользою для дѣла могутъ быть присоединены отдѣлы: кустарно-промышленный и фабрично-заводскій. Поэтому туркестанскій генералъ-губернаторъ предложилъ мѣстному Отдѣлу Общества садоводства присоединить къ проектированной уже осенней, сельско-хозяйственной выставкѣ также отдѣлы: кустарно-промышленный и заводско-фабричный, для того, чтобы выставка могла представить по возможности полную картину производительности края, какъ кустарной, по преимуществу, туземной, такъ и фабрично-заводской. Изъ списка экспонентовъ, помѣщенного въ 27 № „Туркестанскихъ Вѣдомостей“, видно, что лица, принадлежащія къ фабрично-заводскому міру Туркестанскаго края сочувственно отнеслись къ проекту этой выставки и пожелали экспонировать своими произведеніями и продуктами. Со стороны администраціи выставочная коммиссія получила небольшую субсидію — 500 руб., т. е. приблизительно въ томъ размѣрѣ, во что обошлось устройство осенней сельско-хозяйственной выставки прошлаго года. Эта субсидія дастъ возможность устроить приличное помѣщеніе для экспонирования кустарныхъ произведеній; крупные же производители заявили желаніе устроить собственные павильоны.

Туркестанскій Отдѣлъ Общества садоводства, въ засѣданіи своемъ 17 го іюля, выработалъ программу проектируемой выставки. Программа составлена умѣло и въ общемъ можно смѣло сказать, что за небольшими измѣненіями можетъ быть пригодна для каждой мѣстной выставки.

Въ одномъ изъ прошлыхъ №№ нашей газеты, мы, говоря о сибирско-уральской выставкѣ, отдали пальму первенства подобнымъ мѣстнымъ выставкамъ. Не будемъ вновь повторять сказаннаго и приводить аргументы для подтвержденія вѣрности нашего взгляда, едва ли кто будетъ противникомъ его, а укажемъ только на то, что Туркестанскій край принялъ на себя починъ прекраснаго и крайне желательнаго дѣла. Потребность устройства мѣстныхъ выставокъ уже ранѣе сознавалась въ нашей обширной странѣ. Выставки въ Тюмени, Иркутскѣ и даже Читѣ доказали, что устройство ихъ возможно, а въ громадномъ количествѣ ихъ едва ли можетъ быть сомнѣніе. Кустарная промышленность Сибири ждетъ помощи для своего скорѣйшаго развитія на благо страны. Кустарь—желанный промышленникъ Сибири. „Сибирская Газета“, въ предпоследнемъ своемъ №, по достоинству оцѣнивая значеніе кустарнаго промысла для Сибири, вполне основательно говоритъ, что настоящаго экономическаго положенія дѣла въ нашемъ краѣ „нельзя не признать прискорбнымъ; такъ какъ благодаря слабому развитію кустарныхъ промысловъ, не смотря на наличность всѣхъ условий, необходимыхъ для ихъ процвѣтанія, и на невозможность развитія, въ большинствѣ случаевъ, крупной обрабатывающей промышленности, — сырье во многихъ мѣстахъ Сибири накапливается иногда въ такомъ громадномъ количествѣ, не находящемъ себѣ сбыта, что совершенно обезцѣнивается, а это, какъ всякое перепроизводство, вызываетъ кризисъ, приносящій громадные убытки населенію; послѣднее вынуждено бываетъ, между тѣмъ, покупать привозныя издѣлія за невозможно дорогую цѣну, благодаря отсутствію на мѣстѣ кустарей-ремесленниковъ. Было бы весьма полезно, — говоритъ газета, — обратить вниманіе на правильную организацію переселенія кустарей изъ мѣсть, славящихся своими издѣліями, и находящими сбытъ въ Сибири, въ тѣ части послѣдней, гдѣ кустарь найдеть всѣ необходимыя условия для успѣшности его труда“.

Подъ этимъ пожеланіемъ мы охотно подписываемся и позволимъ себѣ прибавить, что вторымъ импульсомъ къ развитію кустарной промышленности надо считать устройство мѣстныхъ выставокъ, на которыхъ, весьма понятно, преобладающее значеніе должно быть отводимо кустарнымъ издѣліямъ. Эти выставки окажутъ несомнѣнную услугу къ учрежденію музеевъ,

т. е. постоянныхъ выставокъ, а наглядную пользу послѣднихъ доказалъ Минусинскій музей, охотно посѣщаемый деревенскими и улусными жителями. Все говоритъ за то, чтобы хорошаго дѣла не откладывать въ далекія ящики и возможно скорѣе и энергичнѣе приняться за устройство мѣстныхъ выставокъ въ разныхъ районахъ Сибири; одобреніе же подобныхъ начинаній, выраженное Высочайшею властью, служить увѣреніемъ, они не встрѣтятъ тормазы въ правительственныхъ сферахъ, получатъ надлежащую санкцію и, по всѣмъ даннымъ, могутъ рассчитывать и на извѣстное пособіе отъ казны.

ХРОНИКА.

«Тобольскія Губернскія Вѣдомости» передаютъ, что, въ бытность свою въ концѣ іюля мѣсяца за Ураломъ, г. министръ путей сообщенія проѣхалъ изъ Тюмени, на пароходѣ, до деревни Артамоновой, до которой предполагалась постройка желѣзной дороги. Генералъ-адъютантъ Посеетъ выразилъ «положительнымъ образомъ убѣжденіе въ бесполезности продолженія желѣзно-дорожной линіи до г. Тобольска, такъ какъ фарватеръ р. Туры, не смотря на существующія въ ней въ лѣтнее время мели, безъ особенныхъ затрудненій и денежныхъ издержекъ, можетъ быть расчищенъ для судоходства».

Харьковской судебной палатой получено отъ министерства юстиціи предложеніе сообщить свѣдѣнія о тѣхъ лицахъ судебного вѣдомства, которые пожелаютъ вѣхать на службу въ Туркестанскій край. Дѣлая это предложеніе, министерство общается тѣмъ судебнымъ служащимъ, которые согласятся отправиться въ Туркестанскій край, льготы, сопряженныя вообще со службою на окраинахъ Имперіи; кромѣ того, въ «предложеніи» упоминается, что въ Туркестанскомъ краѣ въ недалекомъ будущемъ состоится преобразование судебныхъ учреждений. («Ю. К.»).

Настоятель нашей камчатской миссіи доноситъ московскому миссіонерскому Обществу, что въ послѣднемъ году она состояла изъ пяти отдѣловъ: корейскаго, гольдскаго, гиліакскаго, тунгусскаго и камчатскаго. Во всѣхъ отдѣлахъ было 14 становъ, съ особымъ миссіонеромъ въ каждомъ станѣ. Въ девяти изъ нихъ имѣются училища, въ которыхъ обучается 211 инородныхъ учениковъ.

Изъ Вѣрнаго, отъ 2-го сентября, телеграфируютъ, что въ Кашгарѣ, по сообщенію мѣстнаго консула, появившаяся тамъ эпидемія признана за тифъ, а не за холеру.

Главный командиръ портовъ Восточнаго океана и военный губернаторъ города Владивостока, контръ-адмиралъ Фельдгаузенъ, уволенъ отъ настоящихъ должностей, съ переводомъ въ балтійскій флотъ и съ назначеніемъ состоять въ распоряженіи управляющаго морскимъ министерствомъ.

Изъ Ташкента телеграфируютъ, что источники нефти на Аму-Дарьѣ открыты не Мушкетовымъ, а горнымъ инженеромъ Мышенковымъ.

«Семипалатинскія Областныя Вѣдомости» сообщаютъ, что въ Майтерекской волости, Зайсанскаго приставства, отъ безкормицы пало скота: лошадей 294, рогатаго 240 и барановъ 2,366 штукъ; въ Устькаменогорскомъ уѣздѣ, въ Уланской волости—лошадей 55, рогатаго 5 и барановъ 150 штукъ; въ Чингистайской волости—лошадей 50 и барановъ 100 штукъ, и въ Сулусаринской волости—верблюдовъ 15, лошадей 97 и барановъ 1,500 штукъ.

«Ниж. Почта», наднякъ помѣстившая статью о необходимости отправленія въ Китай особой экспедиціи для изученія условий тамошняго рынка и потребностей населенія, сообщаетъ, что помянутая торговая экспедиція осуществится въ недалекомъ будущемъ; во главѣ ея стоятъ представители двухъ крупныхъ

торговыхъ фирмъ: Т. С. Морозовъ и А. Г. Кузнецовъ. Караванъ всевозможныхъ товаровъ на средства этихъ фирмъ уже собранъ и почти готовъ къ выступленію. Цѣлью предполагаемой торговой экспедиціи будетъ поставлено—не только добраться до тѣхъ пунктовъ Китая, конхъ уже въ отдѣльности достигали нѣкоторые русскіе купцы, но, если представится къ тому возможность, проикнуть далѣе въ глубь Китая, за великую китайскую стѣну.

По послѣднимъ извѣстіямъ, экспедиція Григорія Николаевича Потанина, пройдя на озеро Куку-Норъ, двинулась на сѣверъ и, миновавъ высочайшіе хребты, достигла Талаа (Тась-Тай по дорогѣ отъ Гань-чжоу-фу, по картѣ Матусовскаго). Хребтъ Нань-Шань представлялъ особенныя трудности—въ маѣ мѣсяцѣ температура доходила до—20°; экспедиція лишилась нѣсколькихъ верблюдовъ, но благополучно миновала горы. Ей предстоитъ пройти еще пустыню, и тогда она двинется къ Кяхтѣ. Определено много новыхъ астрономическихъ пунктовъ и высотъ.

К. П. Михайловъ, талантливый изслѣдователь забайкальской крестьянской общины и авторъ многихъ статей о Сибири и сибирскомъ крестьянствѣ, назначенъ чиновникомъ по крестьянскимъ дѣламъ Ишимскаго округа. Константинъ Прокопьевичъ все время въ Петербургѣ былъ самымъ дѣятельнымъ сотрудникомъ нашихъ, секретаремъ Общества вспоможенія учащимся сибирякамъ и другомъ учащихся. Потеря его для сибирской колоніи въ Петербургѣ чувствительна. Мы можемъ примириться съ нею лишь потому, что его силы и таланты будутъ непосредственно отданы отнынѣ средѣ, наиболѣе нуждающейся въ заботахъ, а именно излюбленному сибирскому крестьянству.

Въ Иркутскѣ сооруженъ по подпискѣ памятникъ на могилѣ знаменитаго ученаго сибиряка А. П. Щанова и вскорѣ имѣть быть его открытіе. Газета «Сибирь» выражаетъ надежду, что сибиряки съ подобающей честью почтять память своего даровитаго сородича.

Въ Омскѣ, 15-го августа, въ залѣ общаго собранія, состоялся торжественный актъ уѣзднаго и городскихъ училищъ. Послѣ молебна была произнесена директоромъ А. В. Поповымъ приличествующая случаю рѣчь, которую онъ закончилъ пожеланіемъ, чтобы, по примѣру сосѣднаго города Томска, и въ Омскѣ была открыта бесплатная народная бібліотека. По окончаніи рѣчи директора училищъ, городской голова Э. И. Эзетъ заявилъ, что онъ вполне разделяетъ мысль о бесплатной народной бібліотекѣ и, для первоначальнаго ея осуществленія, готовъ произвести на свой счетъ выписку необходимыхъ книгъ, надеясь встрѣтить поддержку въ дальнѣйшемъ сочувствіи прочихъ членовъ городского общества.

Да, омичамъ пора присмотрѣться, какъ живутъ сосѣди.

Изъ Тобольска скрылся секретарь губернскаго присутствія Никольскій, который, какъ оказалось, служилъ по подложнымъ документамъ, и фамилія его вовсе не Никольскій.

Приказомъ министра юстиціи отъ 21-го іюля, товарищи томскаго губернскаго прокурора Барсовъ и Коссовскій уволены отъ службы.

Служили, какъ говорится, безъ году недѣлю и уже уволены! Извѣстіе это показываетъ, какого рода дѣтели явились, къ сожалѣнію, на судебныя должности на нашей несчастной окраинѣ.

Намъ сообщаютъ, что близъ Игнашиной, на бывшей Желтугѣ, стоятъ отрядъ китайцевъ; живетъ онъ въ землянкахъ, но никакихъ укрѣпленій, какъ писали, у нихъ не заведено. По значку судя, солдаты—маньчурскаго отряда.

Въ «Сибир. Газету» сообщаютъ изъ Каинска о свирѣпствующей въ Покровской волости шайкѣ черкесовъ, съ которой были въ стачкѣ мѣстныя сельскія власти: возлѣ одного селенія найдено нѣсколько свѣжихъ могилъ съ зарытыми трунами убитыхъ.

При попыткѣ обезоружить разбойниковъ, ранено было 2 человека и 2 убиты—1 наповаль выстрѣломъ изъ пистолета, а другой кинжаломъ. Черкесы разбѣжались. Губернская администрація, какъ слышала газета, обратилась къ военной власти за содѣйствіемъ къ поимкѣ разбойниковъ.

Газета «Владивостокъ» говоритъ: «По поводу ходатайства общества «Сахалинъ» о наложеніи пошлины на привозимый въ Приморскую область иностранный каменный уголь, мы можемъ съ своей стороны сказать, что подобное ходатайство слѣдовало бы удовлетворить (!), хотя это во многомъ нарушаетъ интересы пароходовладѣльцевъ, а въ особенности интересы казны, такъ какъ, надо правду сказать, дуйскій уголь, всетаки, плохъ» (?!). Въ той же газетѣ читаемъ: «Относительно дуйскаго угля, г. Ефимовъ на съѣздѣ сказалъ, что восьмилѣтнія данныя даютъ полное право утверждать, что чѣмъ скорѣе прекратится на Сахалинѣ дѣятельность общества «Сахалинъ», тѣмъ будетъ лучше. Впродолженіе 8 лѣтъ общество «Сахалинъ» выработало 2,620,716 пудовъ угля, употребивъ для этого 960,000 человекъ рабочихъ за все время, тогда какъ указанное количество угля можно было добыть втеченіе полугодоваго срока. Общество ничего не заплатило управленію ссыльно-кааторжныхъ какъ за выработку, такъ и за нагрузку. Подготовки для будущихъ работъ не сдѣлано никакой, а между тѣмъ истощили мѣстороженіе угля».

Можемъ удивляться только тому, что газета «Владивостокъ», прежде солидно разсматривавшая экономическіе вопросы края, въ послѣднее время стала негласной игрушкой въ чьихъ-то неособенно чистыхъ рукахъ.

Впрочемъ, самъ фельетонистъ этой газеты говоритъ: «Ну, что, если бы не было самозванныхъ амурскихъ экономистовъ? Вѣдь, пожалуй, не о чемъ было бы писать и не за что было бы получать построчную плату... Ай, ай, ай! проговорился я, читатель! Хотѣлъ было я умолчать о построчной платѣ, но проговорился. Дѣлать нечего! Воспользуюсь тѣмъ, что нынѣ Петровъ постъ и, какъ пону на духу, изложу передъ тобою, читатель, небольшую, но искреннюю исповѣдь. Не подумай, читатель, чтобы я писалъ специально изъ-за построчной платы. Далеко нѣтъ. Я заключилъ съ редакціей довольно странный договоръ. Я буду писать фельетоны, редакція будетъ платить мнѣ, и платить до тѣхъ поръ, пока не выяснится окончательно, что читателямъ нравятся мои фельетоны. Послѣ этого плата прекращается».

Очень мило, только, ей-ей, намъ жаль газету. Долго ей придется платить, и нѣтъ надежды на лучшее будущее.

Нынѣшнимъ лѣтомъ былъ произведенъ ремонтъ дорогъ въ Восточной Сибири; даже посылались съ этой цѣлью инженеры. Съ наступленіемъ дождей, однако, дороги получили свой обыкновенный непроѣздный видъ. Мѣла лошадей, мѣла возчиковъ, эти дороги остаются сущимъ наказаніемъ и для путешественниковъ.

Изъ всѣхъ городовъ Сибири Тюмень отличается неимоверной грязью. Особенно, говорятъ, ужасна дорога около полицейскаго управленія, гдѣ ухабы похожи на волчьи ямы. Обыватели спокойно порхаются въ грязи. Дума величественно и спокойно смотритъ, а извозчики берутъ по 2 и по 3 р. перевезти только черезъ городъ до станціи. Товарамъ легче проходить, ибо ихъ съ желѣзной дороги везутъ на пристань въ вагонахъ. Говорятъ, что проѣзжающіе собираются ходатайствовать о проложеніи желѣзной дороги черезъ Тюмень, такъ какъ дорога хотя и проведена чрезъ Уралъ, ватѣмъ по Турѣ, Тоболу, Иртышу и Оби можно удобно слѣдовать на пароходахъ; только одніе городскія улицы Тюмени на всемъ пути представляютъ неодолимые препятствія.

На всемъ трактѣ отъ Каинска къ Красноярску и далѣе до Томска, какъ сообщаютъ намъ проѣзжающіе, совершаются нападенія на обозы, отрѣзываніе мѣстъ чаевъ и товаровъ, а также нападенія на проѣзжающихъ. Намъ извѣстно нѣсколько такихъ случаевъ. Около 15-го августа подъ Красноярскомъ даже сдѣлано нападеніе на почту. Грабители душили ящика, и только подо-

спѣвшій почталіонъ его выручилъ. Мѣстный исправникъ не зналъ о происшествіи и вообще объяснялъ проѣзжающимъ, что это дѣло обыкновенное, и на дорогахъ ссыздавна установился «такой промыселъ». Хорошъ промыселъ, хорошо утѣшеніе и хорошъ исправникъ!

Мы слышали, что на сѣверѣ Урала, близъ Печорскаго края, появилось лицо, которое подъ видомъ члена ученаго общества продѣлываетъ самые неблагоприятные подвиги: пробуетъ оттянуть какія-то инородческія земли, подъ предлогомъ открытія рудъ, и т. п. Въ послѣднее время дѣло дошло даже до официального дознанія и слѣдствія. Любопытно, кто это окажется?

Амурская Калифорнія въ картинахъ. Одинъ изъ фотографовъ, бывшій на знаменитой Калифорніи на Амурѣ, снялъ цѣлый рядъ любопытныхъ сценъ изъ жизни золотопромышленной республики, за китайской границей. Здѣсь изображены работы калифорнійцевъ; пестрая масса бѣглецовъ и авантюристовъ рисуется на этихъ снимкахъ, въ ихъ оригинальныхъ костюмахъ, съ выраженіемъ отваги и энергіи. Видны ваггерты, промывка, обольстительное золото, цѣлая сцена мѣстнаго быта, совѣтъ старшинъ, наконецъ мѣстная сходка-вѣче съ помостомъ, гдѣ совершался судъ и общее рѣшеніе дѣлъ. Видна обширная площадь, кишачая народомъ; надъ какимъ-то зданіемъ развѣвается флагъ. Въ добавленіе мы получили фотографію китайской казни надъ китайскими рабочими. Ужасная сцена! Вытѣшенныя и воткнутыя на колъ головы, изуродованные трупы у подножія деревьевъ. Цѣлая драма возстаетъ на этихъ картинахъ изъ жизни далекой окраины. Свобода и разгулъ, золото и кровь мѣшаются здѣсь въ странныхъ сочетаніяхъ.

Намъ передавали, что жертвою суроваго суда калифорнійскихъ рабочихъ явился и нѣкій забайкальскій дѣятель изъ уволенныхъ, онъ же когда-то спекуляторъ и гефештмахеръ въ бывшую турецкую войну, а также прогорѣвшій издатель дешевыхъ романовъ и повѣстей. Соблазненный китайскимъ золотомъ и наживой, онъ прибылъ въ Амурскую Калифорнію, по уличенный въ чемъ-то, увы, подвергся не совсѣмъ приятному романтическому приключенію. Рабочіе взяли его и высѣкли своимъ судомъ. Какая поздняя награда за рядъ давно заслуженныхъ подвиговъ!...

Одна газета сообщаетъ, что изъ Варшавы въ городъ Красноярскъ отправлено 1,000 дамскихъ турнюровъ. Ликуй, Красноярскъ, и радуйтесь, дамы! Говорятъ, красноярскія модницы, не имѣя возможности равнѣ приобрести турнюры, пробовали устраивать самодѣльные изъ березовыхъ туясовъ, но ничего не выходило. Подали коллективную петицію; одинъ фабрикантъ сжалился; цѣлую 1,000 послалъ! Благо, что мода на нихъ прошла.

Ужъ, видно, такова судьба сибиряковъ получать то, что въ Европейской Россіи негоже и вышло изъ моды!

Какими послѣдствіями выразится соединеніе почтового и телеграфнаго вѣдомствъ на окраинѣ?—одинъ находчивый сибирякъ отвѣтилъ на это такимъ образомъ:

— Да, вѣроятно, на почту телеграфомъ уже не придется жаловаться.

ПЕРЕСЕЛЕНЧЕСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

Съ 7-го по 15-е августа, какъ слышала «Сиб. Газета», черезъ Томскъ прослѣдовало только 15 душъ переселенцевъ. По за то многіе тянутся обратно, и названная газета передаетъ о нихъ слѣдующее:

«5-го августа на семи подводахъ прибыла въ Томскъ партія въ 7 семей. Это часть тѣхъ 70 семействъ екатеринославцевъ, которые въ началѣ нынѣшней навигаціи черезъ Томскъ же прослѣдовали въ Минусинскъ. Ихъ исторія поучительна. Велъ ихъ сюда ходокъ Тарасъ Ровный, командированный въ прошломъ году ими же на розыски «новыхъ мѣстъ» и увѣрившій ихъ, по

возвращенія, что въ Минусинскомъ округѣ онъ облюбовалъ участокъ на 70 семей, который ему и общанъ. Но, увы! когда партія прибыла на мѣсто, оказалось, что указанный участокъ—не на 70, а только на 20 семействъ. Противъ Тараса поднялась цѣлая буря, и это понятно: «собачій сынъ разорилъ всѣхъ»; ругалась здѣсь въ баркахъ при насъ хохлуша: «надулъ жену, надулъ даже дочь: онъ объявилъ имъ, что тамъ рѣчка, и въ этой рѣчкѣ пропасть рыбы; а тутъ, собачій сынъ, ни рыбы, ни рѣчки нѣтъ» и т. д. Главное же, что и мѣста-то не оказалось. И вотъ 20 семей расположилось на участкѣ («Городокъ»), 7 семействъ вернулись, а остальные 43 семьи остались дожидаться «чиновника» изъ Красноярска, чтобы просить его заставить Ровнаго отправить ихъ обратно на свой счетъ. Тарасъ, по увѣреніямъ екатеринославцевъ, богатъ, своего капитала имѣетъ болѣе 5,000 руб., да съ нихъ онъ собралъ по 6 руб. съ копейками съ семьи, не считая вина, которымъ его постоянно угощали зимою, да въ дорогѣ. Возвращающіеся объясняютъ, что, убѣдившись въ обманѣ Ровнаго, они принялись искать новыя мѣста, да не нашли: всюду «лѣсъ да горы, горы да лѣсъ—божьяго свѣта не видно».

«Фактъ этотъ,—замѣчаетъ «Сиб. Газета»,—крайне прискорбный, тѣмъ болѣе, что съ возвращеніемъ этихъ переселенцевъ совпадаетъ и возвращеніе 1,000 душъ переселенцевъ изъ Бійскаго округа».

Въ іюні въ пароходѣ «Москва» прибылъ въ Владивостокъ уполномоченный отъ выселенныхъ изъ Познани поляковъ, нѣкто г. Матушевскій. Онъ прибылъ, какъ сообщаетъ «Владивостокъ», съ цѣлью узнать, какія мѣста въ Уссурийскомъ краѣ пригодны для намѣреющихся прибыть сюда болѣе 9,000 переселенцевъ, а также для ходатайства у мѣстныхъ властей оказать этому переселенію содѣйствіе. Познанцы имѣютъ до 400,000 рублей своего капитала, массу рогатаго скота лучшихъ породъ и усовершенствованныя земледѣльческія орудія. По словамъ ихъ агента, переселенцы намѣрены переѣхать въ здѣшній край на счетъ правительства, а на имѣемый капиталъ учредить здѣсь свой банкъ.

По словамъ «Русскаго Курьера», 2-го сентября, въ 5-мъ часу по полудни, по нижегородской желѣзной дорогѣ отправлена партія переселенцевъ въ количествѣ 136 взрослыхъ и 59 малолѣтнихъ, для слѣдованія въ Сибирь.

КОРРЕСПОНДЕНЦІИ.

Екатеринбургъ (корресп. «Вост. Обозр.»). По сколько опубликованныя въ 155 № «Правительств. Вѣстника» правила о надзорѣ за заведеніями фабричной промышленности и о взаимныхъ отношеніяхъ фабрикантовъ и рабочихъ касаются всей Россіи, по столько же они касаются и Урала, если въ незначительной степени теперь, благодаря убожеству числа заведеній обрабатывающей промышленности здѣсь, то, можетъ быть, современемъ они будутъ касаться его въ болѣе степени; поэтому мы и позволимъ себѣ сказать нѣсколько словъ по поводу названныхъ правилъ. Прежде всего мы скажемъ по поводу ихъ, что они устанавливаются не на годъ, не на два, не на три, а вообще на продолжительное время, и такъ какъ нужда въ нихъ современемъ, по мѣрѣ общаго роста промышленности, будетъ ощущаться все больше и больше, то теперь же, стало быть, слѣдуетъ указать и на пробѣлы, какіе они въ себѣ заключаютъ. Мы не будемъ собственно останавливаться на частностяхъ этихъ правилъ, скажемъ только вообще, что они, въ томъ видѣ, какъ сейчасъ опубликованы, предоставляютъ хозяевамъ-фабрикантамъ широкій просторъ отдѣлаться отъ рабочихъ, какъ нанятыхъ на срокъ, такъ еще болѣе отъ рабочихъ, нанятыхъ на неопредѣленное время, которыхъ будутъ предпочитать теперь хозяева срочнымъ; мотивомъ къ такому поголовному изгнаію рабочихъ съ фабрики, разъ уже нанявшихся туда, будетъ служить не только то обстоятельство, что дѣла хозяина пошли вдругъ плохо, вслѣдствіе чего нужно сокращать работы, или вдругъ какое нибудь несчастіе случилось надъ фабрикой, допустимъ, она сгорѣла; нѣтъ, даже положимъ, что онъ попрежнему получаетъ боль-

шіе барыши, но вдругъ ему предложили свои услуги работать дешевле цѣлыя массы новыхъ рабочихъ, пришедшихъ откуда нибудь съ другой фабрики или откуда нибудь со стороны; старые рабочіе не соглашаются дешевле работать, и вотъ онъ гонитъ ихъ долой съ своей фабрики и замѣняетъ ихъ свѣжими, дешевыми. Такого случая правила о фабричныхъ рабочихъ совѣтъ не предусматриваютъ; однако, справедливо ли поступать такимъ образомъ съ людьми, разъ уже нанятыми на работу, коли ихъ вытѣсняють отсюда силой, сбавкой заработной платы, неизвѣстно откуда появившіеся другіе рабочіе? Здѣсь уже одно что нибудь должно быть: или не позволять хозяевамъ въ подобныхъ обстоятельствахъ дѣлать сбавку заработной платы и мѣнять своихъ способныхъ къ работѣ, уже разъ нанятыхъ ими на фабрику людей, или, если мѣнять ихъ на новыхъ, дешевыхъ рабочихъ, то старыхъ, по справедливости, хотя въ извѣстной степени слѣдуетъ обезпечить на то время, пока они ищутъ себѣ работу, такъ какъ при такой замѣнѣ хозяева, очевидно, будутъ въ выигрышѣ. Но обезпечить этихъ рабочихъ, мы полагаемъ, слѣдуетъ не изъ тѣхъ капиталовъ, которые, по правиламъ, должны образоваться при каждой фабрикѣ изъ вычетовъ съ самихъ же рабочихъ, а на одинъ только чисто-хозяйскій счетъ; другое дѣло, если бы по необходимости пришлось закрыть фабрику и совѣтъ рассчитать рабочихъ, тогда, разумѣется, пока они принцуютъ себѣ работу, можно затронуть и тѣ капиталы, которые образовались изъ вычетовъ съ рабочихъ. Мы не потому только предлагаемъ обратить вниманіе на пробѣлъ, допущенный въ правилахъ о фабричныхъ рабочихъ, что желаемъ гарантировать въ денежномъ отношеніи ихъ интересы, но также и потому, что если этотъ пробѣлъ будетъ устраненъ такимъ именно образомъ, какъ мы только-что говорили, то они будутъ гарантированы отъ произвола фабрикантовъ-хозяевъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ: фабриканты будутъ къ нимъ вообще справедливы, въ особенности же, если мѣру, предлагаемую нами, распространить и на единичные случаи такого же рода, а не только массоваго характера, какъ мы для яркости привели выше. Кромѣ того, такая мѣра побудила бы и хозяевъ искать себѣ выгодъ не въ дешевой людской рабочей силѣ, а въ работѣ машинъ, болѣе прибыльной какъ для нихъ, такъ и для потребителей ихъ произведеній.

Томскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Пребывающая здѣсь „дѣвица Леонора“, ворожея, угадывающая „прошедшее, настоящее и будущее“, надѣлала здѣсь немало бѣдъ, а такъ какъ она намѣрена пройтись всю Сибирь, то нелишне будетъ сказать о ней кое-что. Ея здравое, невредимое и счастливое пребываніе здѣсь ясно показало, во-первыхъ, на сколько наши обыватели солидарны между собой въ нѣкоторыхъ вопросахъ, не смотря на различіе пола, возраста, положенія и образованія, во-вторыхъ, на сколько блюдетъ интересы гражданъ наша обездоленная полиція. Первый пунктъ объяснится вполнѣ, если мы приведемъ факты такого рода, что къ „дѣвицѣ Леонорѣ“ (иначе ея здѣсь не называютъ) ходятъ „узнать о своей судьбѣ“ старъ и младъ, убогъ и сирь, безграмотный и грамотный, не забываетъ ея и человекъ образованный, ибо персоналъ учительницъ одинъ изъ главныхъ доставщиковъ посѣтительницъ „дѣвицѣ Леонорѣ“. Грустно, а это фактъ, и будто бы ⁹/₁₀ нашихъ „классныхъ дамъ“ перебивало у ворожеи. Какой, подумаешь, славный примѣръ подають онѣ своимъ юнымъ питомицамъ! „Дѣвица Леонора“, какъ искусная ворожея, понимаетъ, что не всѣмъ нужно говорить хорошее, а то самой будетъ нехорошо, поэтому она не стѣсняется въ предсказаніяхъ. Одной сельской учительницѣ, кончившей курсъ въ гимназій, дѣвица Леонора предсказала, что ее повѣсятъ между двумя селеніями, и на бѣду она, живя недалеко отъ города, гдѣ находятся ея родители, пріѣзжаетъ на праздники домой. Какъ особа сообразительная, она поняла, что ей предстоитъ погибнуть рано или поздно между городомъ и деревней, въ которой она учительствуетъ, а потому думаетъ покинуть свое поприще и никуда не выѣзжать „между двумя селеніями“. Если это въ самомъ дѣлѣ удастся, такъ, вѣдь, она совѣтъ можетъ не умереть,—онякъ бѣда! Экая вѣдь проказница, дѣвица Леонора. Одной простой женщицѣ эта ворожея предсказала, что она въ скоромъ времени умретъ. И женщина эта вслѣдствіе перваго разстройства слегла въ постель. Двое супруговъ-голубчиковъ разошлись потому, что Леонора сказала о взаимной неврѣнности ихъ. Иногда происходятъ, говорятъ, умильные сцены у старыхъ супруговъ, побывавшихъ у ворожеи и получившихъ другъ о другѣ свѣдѣнія, что оба они были невѣрны въ молодыхъ годахъ

другъ другу, ну, а теперь живутъ „какъ голубчикъ съ голубкой“. Удивительно, что же смотритъ полиція? Развѣ не ея дѣло запретить подобное безнравственное ремесло этой проходимицѣ? Теперь уже съ деревень сталъ народъ съѣзжаться на поклоненіе ей. Жаль, если проводниками въ этомъ случаѣ были тѣ же учительницы! Началь говорить объ учительницахъ, такъ не умолчу ужъ объ одномъ еще печальномъ явленіи. Да не подумаютъ, что я принципиально что нибудь имѣю противъ института учительницъ,—нѣтъ, совѣтъ напротивъ. Изобличая ихъ, я руководствуюсь только словами одного публициста, сказавшаго „истинная любовь всегда правдива, всегда безпощадна, всегда старается видѣть свой предметъ, какъ онъ есть“... Пригородныя сельскія учительницы имѣють большое стремленіе къ своимъ городамъ, и вотъ, пользуясь праздниками и вообще „случаями“, пріѣзжаютъ въ городъ, и здѣсь подъ разными предлогами (напримѣръ, зарѣчныхъ учительницъ удерживаютъ бури, весной не-надежность льда и т. п.), а то и просто безъ предлоговъ живутъ „дома“ недѣлю, двѣ. Понятно, какъ это отражается на успѣшности занятій съ ребятами и на взглядѣ крестьянина на подобныхъ исполнительницъ своего долга.

Ялуторовскъ (корр. „Вост. Обоз.“). Надняхъ сюда пріѣзжалъ для ревизіи попечитель Западно-Сибирскаго учебнаго округа г. Флоринскій, который посѣтилъ уѣздное и приходское училища и женскую прогимназію; слышно, что, какъ составомъ педагогическаго персонала, такъ и методомъ преподаванія, онъ остался доволенъ.

„Злостный банкротъ“ К—евъ, заключенный подъ стражу въ тюремный замокъ вмѣстѣ съ Л—вомъ, освобожденъ изъ-подъ стражи, а Л—въ не могъ вынести продолжительнаго тюремнаго заключенія и умеръ отъ чахотки. Носятся слухи, что К—евъ думаетъ „повидаться“ съ членами конкурснаго управленія; каковы будутъ послѣдствія этого „свиданія“,—еще неизвѣстно.—Наступили „ночки темныя, ночи осеннія“, и наши мѣстные воршики систематически принялись за свою профессію воровства, безъ котораго не проходитъ почти ни одной ночи. Ничѣ надняхъ воршики пробрались къ нѣкоторымъ обывателямъ: Гри—му (изъ лавки украли товару на 300 р.), Чу—вой и украли много вещей, которыя и до сихъ поръ не найдены, а найдутся ли,—еще неизвѣстно; а нѣкоторые жулики не брезгаютъ покражею у своихъ сосѣдей даже изъ царства пернатыхъ (курицъ), съ которыми полиція, наконецъ, и накрыла его и самого посадила въ полиційскій „куратникъ“.—Погода у насъ стоитъ ненастная, дождливая, что крайне пренятствуетъ крестьянамъ при уборкѣ хлѣба, урожаею котораго нынѣ хорошій.

Изъ **Семирѣчья** (корресп. „Вост. Обозр.“). При въѣздѣ въ Вѣрный въ лѣтнее время, поражаешься обиліемъ зелени, въ которой утопають улицы этого города. Тополевая, вязовая и другихъ породъ деревья, разсаженные на прямыхъ улицахъ, сады, скверы, съ живыми изгородями и аллеями, живописно расположенные, производять на пріѣзжаго чарующее дѣйствіе. Каналы, съ постоянною свѣжею водою для орошенія садовъ, изгородей, проведенные изъ горныхъ источниковъ, значительно охлаждають во время засухи воздухъ и дѣлають по возможности сноснымъ жаръ, который испытываютъ не выѣзжающіе на лѣто изъ города жители. Городъ построенъ у подношья горнаго хребта. Вслѣдствіе недостатка лѣса всѣ зданія построены изъ жженого и сыраго кирпича. Другаго строеваго матеріала нѣтъ; развѣ еще колобки, употребляемые туземцами для постройки сакль и проч., это — куски глины, смѣшанные съ рубленою соломою или мякиною и скатанные въ неправильную кубическую форму. Городъ хотя не имѣеть элегантныхъ въ архитектурномъ отношеніи построекъ, но въ немъ достаточно и большихъ красивыхъ зданій. Улицы прекрасно содержатся, равно и мосты, коихъ въ городѣ очень много, вслѣдствіе проведенныхъ каналовъ съ водою (мѣстное названіе —арыкъ). Церквей въ городѣ пять, въ томъ числѣ двѣ домовыхъ — гимназическая и архіерейская и одна тюремная; затѣмъ, двѣ мечети, одна еврейская синагога. Въ городѣ—двѣ гимназій, мужская и женская, два училища, дѣтскій пріютъ, богадѣльня, киргизскій пансіонъ. Такъ какъ Вѣрный—областныи городъ, то въ немъ сосредоточивается управленіе областью. Судебная реформа только въ нѣкоторой степени коснулась Семирѣчья: судебные уставы 1864 года нѣсколько лѣтъ введены, съ нѣкоторымъ расширеніемъ правъ мировыхъ судей. Суды стараго устройства остаются попрежнему. Начальникъ области, губернаторъ, опъ же—командующій войсками области, имѣеть постоянное мѣстопробываніе свое въ Вѣрномъ. Два—три баталіона линейныхъ войскъ и одинъ—

два казачьих полка почти всегда квартируют въ Вѣрномъ, въ лѣтнее же время они выступаютъ въ лагерь вблизи горъ. Прекрасная горная мѣстность и здоровый горный воздухъ доставляютъ неоцѣненное убѣжище и достаточнымъ жителямъ города въ лѣтнее жаркое время. Значительное разведеніе рощъ, садовъ фруктовыхъ и прочихъ древесныхъ породъ, въ городѣ, равно и по всему Семирѣчью, измѣнило состояніе природы: прежнее бездождіе смѣнилось изрѣдка перенадоющими дождями, что, конечно, во многомъ послужило на пользу населенію. Такъ какъ при бездождіи обыкновенно хлѣба и другіе сѣянцы орошаются изъ особо проводимыхъ каналовъ, что не всегда достигаетъ цѣли, и въ особенности теперь, когда администрація дѣятельно занимается колонизаціей края, и при громадныхъ запашкахъ полей переселенцами,—положительно трудно надѣяться на достатокъ воды, собирающейся изъ горныхъ потоковъ. Переселеніе таранчей и дунганъ изъ провинціи Или въ Семирѣчье значительно подвинуло сельско-хозяйственную промышленность въ краѣ и въ результатѣ удешевило предметы первой необходимости. Пшеница, рисъ, просо и другія хлѣбныя растенія, масло подсолнечное, конжутное, табакъ, опиумъ, чай—вотъ предметы мѣстной промышленности. Мѣстный чай, выдѣлываемый въ Туркестанскомъ краѣ туземцами, разрѣшенный въ продажѣ г. генераль-губернаторомъ, нынѣ выдѣлывается въ Семирѣчѣ однимъ здѣшнимъ предпринимателемъ, купцомъ Свѣтоносимымъ, благодаря которому бѣднѣйшее населеніе края пользуется чаемъ по баснословно дешевой цѣнѣ—30 коп. фунтъ. Русскій байховый чай выдѣлывается изъ листьевъ лугового злака, растущаго въ Семирѣчѣ въ горныхъ мѣстностяхъ въ дикомъ состояніи. Кирпичный же выдѣлывается изъ листьевъ молодой яблони; слегка отволоженный горячимъ паромъ, онъ прессуется по способу, употребляемому китайцами. Эти суррогаты распространены сильно въ туземномъ населеніи съ незапамятныхъ временъ коренными производителями чая—китайцами. Какъ извѣстно, китайцы, приготавливая чай изъ листьевъ чайнаго кустарника *thea bohea* и *thea viridis*, не пренебрегаютъ и подмѣсами изъ листьевъ другихъ растеній, которыхъ сушатъ ежегодно нѣсколько милліоновъ фунтовъ. Приготовляемый въ Семирѣчѣ чай продается какъ мѣстный чай и отнюдь не выдается за чай китайскаго производства. Опіумъ составляетъ доходную статью въ хозяйствѣ инородцевъ, переселившихся изъ провинціи Или; онъ сбывается на китайскіе рынки: въ Кульджу, Чугучакъ и Кашгаръ. Опіумъ приготавливаютъ изъ сока, извлекаемаго изъ головокъ мака, посредствомъ надрѣзовъ. Это дѣлается нѣсколько разъ въ лѣто. Во все время сбора опіума головки мака остаются на корню. Собранный опіумъ вываривается, и по выпареніи излишней влаги обращается въ тѣстообразную массу, а затѣмъ становится годнымъ къ употребленію.

Садоводство, лѣсоводство и огородничество въ краѣ занимаютъ не послѣднее мѣсто въ хозяйствѣ населенія. Туземцы и крестьяне, переселившіеся изъ южныхъ губерній Имперіи, на громадныхъ пространствахъ засѣваютъ бахчи и разводятъ фруктовый и строевой лѣсъ. Мѣстные климатическія условія вполне благоприятствуютъ и съ избыткомъ окупаютъ трудъ. При такихъ благоприятныхъ обстоятельствахъ, можно быть вполне увѣреннымъ, что дѣло по разведенію лѣсовъ въ краѣ обезпечено. И не въ далекомъ будущемъ голыя степи Семирѣчья покроются лѣсами фруктовыхъ и проч. породъ. Торговля въ Вѣрномъ и вообще въ Семирѣчѣ въ страшномъ застоѣ. Со времени передачи Кульджи торговля дѣла въ Семирѣчѣ сильно пошатнулась. Торговцы, ведшіе крупныя дѣла съ монголами и китайцами, впали въ несостоятельность вълѣдствіе прекращенія сношеній. Илійская провинція, поглощавшая русскихъ товаровъ на милліоны рублей ежегодно, теперь снабжается китайцами съ своихъ и европейскихъ рынковъ. Недостатокъ кредита въ краѣ чувствуется весьма ощутительно. Всѣ свободные частныя капиталы разбираются за баснословно высокій процентъ.

При вѣрненскомъ городскомъ управленіи имѣются какія-то суммы для ссудъ за небольшой процентъ, но ихъ далеко недостаточно. Нѣсколько лѣтъ назадъ, въ городскомъ управленіи предполагалось учредить общественный банкъ, но вопросъ этотъ остался нерѣшеннымъ въ пользу города, неизвѣстно по какимъ причинамъ. Общественной жизни въ городѣ почти нѣтъ. Общество распалось на такіе мелкіе кружки, что общественнаго пульса ощутить совершенно невозможно. Скусающая публика посѣщаетъ клубы и любительскіе спектакли,

иногда даваемые мѣстными любителями драматическаго искусства. Бываютъ и пріѣзжіе артисты. Въ данное время доставляетъ нѣкоторое удовольствіе публикѣ пріѣзжіи жонглерь-гимнастъ г. Шуманъ со своей труппой. Но всетаки, въ Вѣрномъ сонно, уныло, не попрежнему. Вѣрный въ настоящее время находится какъ будто въ переходномъ состояніи. Онъ похожъ на человѣка, шибко пожившаго, проигравшаго крупный кушъ за зеленымъ столомъ и возвращающагося домой со сдачей съ послѣдняго рубля. Словомъ, Вѣрный въ данное время переживаетъ тяжелые дни безденежья.

Омскъ (корресп. „Вост. Обозр.“). Нѣсколько фактовъ изъ нашей общественной жизни, взятые наудачу, считаемъ нелишнимъ представить на судъ общественнаго мнѣнія. Въ прошлогодней корреспонденціи, упоминая объ успѣхахъ нашего городского хозяйства, мы указали на неудачный опытъ управы относительно введенія городского таможеннаго сбора съ привозимыхъ на базаръ изъ деревень продуктовъ крестьянскаго хозяйства; попытка эта, къ счастью, пала сама собой. Въ настоящее время о хозяйственныхъ предположеніяхъ управы мы не можемъ сказать ничего опредѣленнаго, такъ какъ дѣятельность ея въ послѣднее время ни въ чемъ не проявляется. А между тѣмъ, есть предметъ, на который слѣдовало бы городскимъ воротиламъ обратить серьезное вниманіе: мы разумѣемъ совершенное отсутствіе сколько нибудь удовлетворительныхъ спусковъ къ рѣкѣ. Неговори уже о томъ, что необходимость хорошихъ спусковъ вызывается ежедневной потребностію въ водѣ, но, на случай возможнаго пожара, они оказали бы городу несомнѣнную услугу. Теперь же, въ дождливое время и особенно весною и осенью, рѣка дѣлается почти недоступной, и только водовозы и ихъ несчастныя лошади знаютъ по опыту всѣ послѣдствія такого невниманія къ нуждамъ городскихъ обывателей. Но—если представители нашего городского общественнаго управленія порою бездѣйствуютъ, то и само общество не уступаетъ имъ въ этомъ отношеніи. Мы позволимъ себѣ представить здѣсь образчикъ поразительнаго равнодушія его въ интересахъ наиболѣе для него существенныхъ. Укажемъ для этого только на состояніе нашихъ общественныхъ бань. Уже нѣсколько лѣтъ, жители Омска пользовались одною изъ нихъ, принадлежащею купчихѣ Хаймовичъ, при условіяхъ самыхъ невозможныхъ, пока, наконецъ, осенью прошлаго года комиссіею врачей не былъ произведенъ самый тщательный осмотръ этой злополучной бани, который, между прочимъ, привелъ къ открытіямъ по истинѣ ужаснымъ. Мы не будемъ входить во всѣ подробности ихъ, опасаясь, что они могутъ показаться неправдоподобными; достаточно сказать, что комиссіею было констатировано нѣсколько фактовъ зараженія въ этой банѣ оспой, что гниющей иль подъ баней, на которомъ непосредственно лежитъ полъ, служилъ постояннымъ и непрерывнымъ источникомъ заразныхъ началъ, что, наконецъ, существованіе, обыкновенно, въ зимнее время перемежающихся лихорадокъ комиссіей отнесла прямо къ тому же источнику. Воздухъ въ помѣщеніи для мытья оказался насыщеннымъ газами амміака и сѣроводорода съ примѣсью запаха гнилости. Обстановка внутри бани была соответствующая вышеописанному. Такъ при осмотрѣ тюфяковъ на кроватяхъ они найдены были совсѣмъ сгнившими, стѣны и полы въ углахъ покрыты массою мокрицъ, которыя найдены также и въ сгнившихъ тюфякахъ. Нагрѣвательный аппаратъ оказался устроеннымъ такъ, что вода не нагрѣвалась до температуры, необходимой для уничтоженія микроорганизмовъ, служившихъ основнымъ заразнымъ началомъ въ банѣ.

Водосточныя трубы, чрезъ которыя стекала вода въ Иртышъ, найдены сгнившими и безъ всякихъ фильтровъ, такъ что вода въ Иртышъ на нѣсколько сажень отъ бани представляла бѣловатую полосу и, по крайней мѣрѣ, $\frac{2}{3}$ всего города, расположеннаго ниже по рѣкѣ, до сихъ поръ довольствовалось водой, сдобренной всевозможными нечистотами; этому обстоятельству, комиссія врачей, безъ сомнѣнія, компетентная въ этомъ дѣлѣ, приписываетъ также существованіе въ Омскѣ кровавыхъ и обыкновенныхъ поносовъ. Наконецъ, самая мѣстность, гдѣ стояла баня, по своему болотистому характеру, признана совершенно негодной для подобнаго рода построекъ. Теперь баня снесена и выстроена въ другой мѣстности. Повторяются ли и въ новой банѣ всѣ описанные выше ужасы, покажетъ только время и начальство; разсчитывать же здѣсь на само общество, едва ли основательно. Упомянемъ еще объ одномъ обстоятельствѣ, имѣющемъ не менѣе важное значеніе,—о состояніи заведеній, торгующихъ съѣстными припасами, въ томъ числѣ и ба-

калейныхъ лавокъ. Заглядываетъ ли кто нибудь въ эти подвалы, переполненные всякою гнилью; кто можетъ утвердительно сказать теперь, что они окажутся не въ такомъ же положеніи, въ какомъ найдена баня г-жи Хаймовичъ; а обжорный рядъ, эта историческая необходимость всякаго русскаго базара,—вотъ бы гдѣ наше Общество врачей могло съ пользою примѣнить свою дѣятельность, нынѣ такъ заботливо охраняемую отъ всякаго практическаго примѣненія. Объ этомъ Обществѣ, существующемъ у насъ уже далеко не первый годъ, мы, къ несчастію, не можемъ сказать ничего опредѣленнаго; только-что упомянутая коммиссія врачей, производившая осмотръ бани г-жи Хаймовичъ, была образована не по инициативѣ этого Общества. Между тѣмъ, мы слышали, что оно организовало свои засѣданія въ зданіи центральной фельдшерской школы, но гдѣ плоды этихъ засѣданій, въ чемъ выражается ихъ практическое значеніе для мѣстной жизни,—все это остается тайной, недоступной дамъ. Изъ всего этого мы можемъ вывести лишь одно заключеніе, что наше Общество врачей подъ предсѣдательствомъ своего, отживающаго вѣкъ, принціпала, едва ли способно проявить какіе нибудь признаки жизни.

Ташкентъ (корр. „Вост. Обзор.“). Пишу подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ; сейчасъ происходилъ судъ надъ убійцами Ходжета Кулибаева. Вотъ имена преступниковъ: Прокоій Лаптевъ, Василій Завьяловъ, Федоръ Мезенцовъ; эти трое подъ различнымъ предлогомъ ворвались въ домъ Ходжета Кулибаева, убили его, жену его, сына и трехъ дочерей, съ цѣлью грабежа (надежды ихъ оказались тщетными, такъ какъ въ семьѣ Кулибаева денегъ не оказалось). Преступники были вооружены топорами и ножомъ. Судъ постановилъ предать ихъ смертной казни, чрезъ разстрѣляніе; притомъ судъ рѣшилъ просить смягченія наказанія на двѣ степени первому преступнику, т. е. Прокоію Лаптеву, въ виду его признанія и другихъ смягчающихъ вину его данныхъ. Затѣмъ четвертый подсудимый Семенъ Таскаевъ обвиняется въ знаніи совершеннаго вышеупомянутыми преступниками злодѣянія и въ недонесеніи объ этомъ высшему начальству. Судъ приговорилъ его на три года въ исправительныя роты. Судъ происходилъ въ зданіи будущаго военно-окружнаго суда. Судъ съ прокуроромъ, защитниками и прочимъ, для насъ, туркестанцевъ, ноинка, и неудивительно поэтому, что зданія не вмѣщаютъ всѣхъ желающихъ присутствовать на полевыхъ судахъ, которые, къ прискорбію, въ послѣднее время довольно часты у насъ. Въ только-что происходившемъ полевомъ судѣ надъ убійцами Ходжета Кулибаева, изъ защитительныхъ рѣчей особеннаго вниманія заслуживаютъ рѣчи гг. Л. и Ч. Дѣло по убійству Ходжета Кулибаева и семьи его подтверждено генераль-губернаторомъ такъ: Лаптеву присуждена 25-ти-лѣтняя каторжная работа, Завьяловъ и Мезенцовъ 9-го августа преданы смертной казни чрезъ повѣшеніе, Таскаевъ согласно суду будетъ заключенъ на 3 года въ арестантскія роты.

Разливъ рѣкъ все еще не прекратился и несчастія нерѣдки, а лишения, благодаря этому же, обыденны. 8-го сентября откроется выставка садоводства, къ которой присоединена также сельско-хозяйственная; экспонентовъ, по слухамъ, будетъ немало. 12-го августа будутъ производиться выборы мѣщанскихъ старосты и десятскихъ; всего къ мѣщанскому сословію причислилось за 21 годъ, т. е. со времени занятія Ташкента, 1,582 семейства.

Начало учебнаго года ознаменовывается старымъ печальнымъ фактомъ, именно: учащійся людъ долженъ платить за старыя негодныя книженки баснословныя цѣны, такъ какъ учебныя заведенія книгъ не выписали, а книжнаго магазина у насъ не имѣется.

ПУШНОЙ ПРОМЫСЕЛЪ ВЪ ПРИАМУРСКОМЪ КРАѢ *).

Съ заселеніемъ Приамурскаго края пушной промыселъ замѣтно падаетъ, потому что, благодаря паламъ и неразсчетливому избиенію звѣря охотниками, количество его уменьшилось, и промышленникамъ приходится искать его только въ самой глухой, нетронутой еще тайгѣ. Это уменьшеніе всего болѣе замѣтно на соболяхъ, которыхъ особенно много гибнетъ при лѣсныхъ пожарахъ. По общему отзыву

промышленниковъ, соболя на Амурѣ становятся все меньше и меньше, а добывать его дѣлается труднѣе.

Это заставляетъ подумать о томъ, какъ бы сохранить звѣря отъ окончательнаго, или, по крайней мѣрѣ, излишняго истребленія и не оставить населенія безъ одной изъ главныхъ статей его дохода. Для правительства пушной промыселъ, кромѣ аренды съ Командорскихъ острововъ и ясака, собираемаго съ инородцевъ, не даетъ ничего, но для края онъ является въ настоящее время чуть ли не самымъ главнымъ, по крайней мѣрѣ, для инородческаго населенія, которое только имъ и существуетъ, а также для казаковъ, многіе изъ которыхъ тоже живутъ почти одной охотой. По своей цѣнности, какъ предметъ отпуска изъ Приамурскаго края, пушнина занимаетъ второе мѣсто послѣ золота, но если брать ея настоящее относительное значеніе въ экономіи края, то оно окажется гораздо важнѣе, потому что охота вообще и пушной товаръ прокармливаютъ несравненно большую массу населенія, которому иначе пришлось бы положительно голодать. Въ этомъ случаѣ звѣроловство придется поставить на ряду съ хлѣбонашествомъ.

Къ сожалѣнію, найти дѣйствительныя мѣры къ установленію правильной охоты, при громадности и пустынности края и при существующихъ средствахъ надзора, или, вѣрнѣе, при фактической невозможности создать дѣйствительный надзоръ (потому что пришлось бы оберегать пустыню не только отъ человѣка, но и отъ стихій),—является дѣломъ пока невыполнимымъ. Коммиссія, разсматривавшая этотъ вопросъ, такъ и отвѣтила, указавъ, впрочемъ, что такъ какъ главнѣйшими причинами чрезмѣрнаго истребленія звѣря являются лѣсные пожары и охота при помощи ямъ и засѣкъ, то тѣ мѣры, которыя были рекомендованы ранѣе для огражденія лѣсовъ отъ пожаровъ, принесутъ существенную пользу и въ данномъ случаѣ. Съѣздъ, съ своей стороны, новаго къ этому ничего не прибавилъ, сознавая, что дальнѣйшая регламентація была бы бесполезна, потому что совершенно невыполнимо провести ее на практикѣ, а въ особенности среди инородцевъ, для которыхъ большая или меньшая добыча звѣря составляетъ прямо вопросъ существованія. Для наиболѣе заселенныхъ мѣстностей Южно-Уссурийскаго края или для сравнительно дисциплинированнаго казачьяго населенія могутъ быть, разумѣется, приняты обязательныя постановленія закона относительно охоты и они современемъ приобретутъ дѣйствительную силу, но для глухихъ мѣстностей, гдѣ собственно и держится самый цѣнный звѣрь и гдѣ охота представляетъ главнѣйшее средство существованія, такіе постановленія останутся мертвой буквой.

Тѣсная связь между инородческимъ вопросомъ и пушнымъ промысломъ, съ одной стороны, и первенствующее положеніе китайцевъ въ торговлѣ пушшиной, съ другой, дѣлаетъ предложенное ранѣе запрещеніе торговать китайцамъ далѣе 50-ти верстнаго разстоянія отъ границы весьма серьезной реформой въ отношеніи инородцевъ. Дѣло въ томъ, что китайскіе торгаши, привыкшіе къ всевозможнымъ лишениямъ, неприхотливые, знакомые вполне съ тайгою, бытомъ и потребностями инородца, смѣло проникаютъ за сотни верстъ, въ самую глушь края и часто съ большими только усиліями доставляютъ свои товары на собачьихъ вртахъ, безъ дорогъ, подвергаясь всемъ невгодамъ таежной жизни, трудно, а часто и вовсе не переносимой русскими купцами. Для послѣднихъ, при настоящемъ положеніи торговли, городъ и деревня представляютъ еще хорошій заработокъ, а потому торговля соболями, сопряженная съ поѣздками въ тайгу и требующая хорошаго знакомства съ нею, привлекаетъ весьма немногихъ. Изъ русскихъ дѣломъ этимъ занимаются пока только нѣсколько крупныхъ сравнительно капиталистовъ, при посредствѣ своихъ приказчиковъ; мелкіе же торговцы и капиталы находятъ для себя удобнѣе другія болѣе легкія занятія, дающія, тѣмъ не менѣе, хорошій барышъ, а ихъ въ краѣ непочатый уголь. Во всякомъ же случаѣ свободные капиталы предпочитаютъ скорѣе заняться золото-промышленностью, въ которой каждому рисуется заманчивая перспектива быстрого обогащенія при счастливой случайности, нежели забираться въ тайгу и браться за дѣло, требующее большого навыка и совершенно особой сноровки, безъ чего, не смотря на выгодность предпріятія, весьма легко потерять всѣ деньги. На этомъ основаніи стѣсненіе китайцевъ можетъ отзываться весьма неблагоприятно не только на сбытѣ пушнины инородцами, но и на снабженіи послѣднихъ всякими продуктами, которые въ настоящее время доставляются почти исключительно китайцами.

*) См. № 36 «Вост. Обзор.»

Между доводами русскаго купечества, приводимыми обыкновенно противъ разрѣшенія китайцамъ свободной торговли съ инородцами, главное мѣсто занимаетъ ссылка на невозможность конкуренціи съ ними, вслѣдствіе крайней ограниченности ихъ потребностей, позволяющей довольствоваться гораздо меньшими барышами, немислимыми для русскихъ. Но на пушнину и русскіе, и китайцы наживаютъ не десятки, а сотни процентовъ, и потому большая или меньшая ограниченность потребностей, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время не имѣетъ никакого серьезнаго значенія. Она могла бы сказаться еще въ рабочемъ вопросѣ, но въ эксплуатаціи невѣжественныхъ дикарей при полной экономической безпомощности ихъ и отсутствіи даже признаковъ дѣйствительной конкуренціи, о чемъ такъ краснорѣчиво свидѣтельствуетъ существованіе полной кабалы, странно даже и говорить объ этомъ. Вообще, если на стѣсненіе китайцевъ въ торговлѣ съ инородцами смотрѣть только какъ на стремленіе покровительствовать единственно развитію чисто русской торговой дѣятельности, то запрещеніе торговли далѣе 50-ти-верстнаго разстоянія отъ границы, конечно, не выдерживаетъ критики. Пушнина для инородца играетъ такую же роль, какъ хлѣбъ у земледѣльца-крестьянина. Стѣснить какимъ бы то ни было образомъ сбытъ ея, заставлять инородца, въ угоду протекціонизма, вести дѣло только съ русскими купцами, значило бы завѣдомо понуждать его къ окончательному раззоренію, и съ этой точки зрѣнія не можетъ быть даже никакихъ оправданій, не только потому, что инородцы такіе же русскіе подданные, какъ все остальное населеніе края, для котораго самъ съѣздъ признаетъ необходимыми всевозможныя льготы и полную свободу торговли въ настоящее время, но еще и потому, что правительство особо изыскиваетъ различныя мѣры для улучшенія ихъ экономического положенія, а стѣсненіе въ сбытъ главнѣйшихъ продуктовъ, очевидно, не согласуется съ подобнымъ стремленіемъ. Было бы излишне обманывать себя оптимистическими надеждами на то, что русскіе поведутъ дѣло лучше и добросовѣстнѣе въ отношеніи инородцевъ, нежели китайцы. На томъ же съѣздѣ высказано было единогласное мнѣніе, что если уже выгонять отсюда хищниковъ, то слѣдуетъ гнать всѣхъ, какъ русскихъ, такъ и китайцевъ, поголовно, такъ какъ они тождественны между собою въ дѣлахъ съ инородцами, которые предпочитаютъ имѣть дѣло лучше съ послѣдними. Такимъ образомъ, въ ближайшемъ будущемъ отъ замѣны китайскихъ торгашей нашими, инородцамъ едва ли будетъ легче, тѣмъ болѣе, что число торговцевъ, безъ сомнѣнія, сократится и торговля приметъ еще болѣе монополичный характеръ. По всей вѣроятности, кабальная зависимость *de jure* будетъ при этомъ уничтожена, но *de facto* она надолго еще останется во всей своей силѣ, такъ какъ экономическая безпомощность инородцевъ отъ появленія новыхъ дѣятелей, очевидно, не измѣнится и диктовать условія попрежнему будетъ купецъ, а не владѣлецъ пушнины. По той же самой причинѣ напрасно надѣяться, что съ устраненіемъ излишнихъ посредниковъ въ лицѣ китайцевъ, которые перепродаютъ намъ пушнину,—торговля сдѣлается болѣе выгодною для инородцевъ: при хищническомъ характерѣ обиха имъ всегда будутъ доставаться одні скорлупки.

Въ виду всего этого, соображенія чисто меркантильнаго и протекціоннаго характера въ разсматриваемомъ вопросѣ должны занимать лишь послѣднее мѣсто, и если только устраненіе китайцевъ отъ торговли съ инородцами является въ настоящее время дѣйствительно необходимою, то по болѣе важнымъ и разумнымъ причинамъ. Вліяніе и авторитетъ китайцевъ еще до сихъ поръ сохраняются въ полной неприкосновенности среди инородцевъ, не смотря на то, что послѣдніе болѣе 25 лѣтъ находятся въ русскомъ подданствѣ. Зависимость инородческаго населенія отъ китайцевъ далеко не ограничивается одною только экономической сферой, но проходитъ чрезъ весь бытъ его и чрезъ всѣ политическія воззрѣнія. Мы владѣемъ въ сущности только территоріей Сѣверно-Уссурийскаго края, но его коренное населеніе, которое мы считаемъ *de jure* въ русскомъ подданствѣ, фактически находится, какъ и прежде, подъ властью Китая, управляется его чиновниками и выборными, судится его законами и исправно выплачиваетъ ему подати. Короче, въ нашихъ собственныхъ предѣлахъ, хотя и не совсѣмъ открыто, но, тѣмъ не менѣе, авторитетно, висится китайское знамя съ его дракономъ. Такое положеніе, разумѣется, нельзя считать нормальнымъ и, продолжая относиться къ нему спустя рукава, мы весьма

легко можемъ наткнуться въ будущемъ на серьезныя политическія затрудненія съ Китаемъ. Политика его въ послѣднее время замѣтно уже перестаетъ быть уступчивой, а средства для борьбы съ другими націями съ каждымъ годомъ становятся дѣйствительнѣе. Пограничныя недоразумѣнія пачались уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ и запутываются все больше и больше, а при такихъ условіяхъ двойственное положеніе инородцевъ, несомнѣнно, легко можетъ создать новыя осложненія въ будущемъ.

Таковъ собственно основной мотивъ, вслѣдствіе котораго является необходимость преградить доступъ китайцамъ къ нашему инородческому населенію. Если съ уходомъ ихъ трудно разсчитывать на ослабленіе экономической зависимости инородцевъ отъ торговцевъ пушниной, то во всякомъ случаѣ устраненіе китайскаго вліянія, поддерживаемаго кабалою, является первоначальной и существенно-необходимой мѣрой къ обрусенію этихъ инородцевъ и водворенію среди нихъ нашей гражданственности, которая навсегда должна вырвать ихъ изъ подчиненія Китаю. Традиціи китайцевъ были бы сильнѣйшимъ тормазомъ всѣмъ нашимъ попыткамъ въ этомъ направленіи, въ виду тѣхъ слабыхъ средствъ, какими располагаемъ мы для свободной борьбы съ китайскою культурой и авторитетомъ среди глухихъ лѣсовъ Сѣвера и полудикаго инородческаго населенія ихъ. Но, поступая такимъ образомъ прежде всего ради извѣстной политической идеи, мы, вмѣстѣ съ тѣмъ, вносимъ до нѣкоторой степени благопріятныя перемѣны въ отношеніи инородцевъ и въ область чисто экономической. Наши купцы не могутъ бороться съ китайцами, помимо всего другаго, уже потому, что тѣ, пользуясь своимъ вліяніемъ и располагая вполне дѣйствительными средствами во всякое время добиться выполненія своихъ требованій, издавна уже успѣли закабалить инородцевъ и сдѣлать ихъ въ полномъ смыслѣ рабами, а себя, въ глазахъ ихъ, законными и всемогущими господами, отъ которыхъ вполне зависитъ вся судьба инородца. Въ томъ положеніи, въ какомъ находится торговля пушниной въ настоящее время, для населенія имѣетъ несравненно большее значеніе не сравнительная дешевизна товара у того или другаго купца, а увѣренность, что этотъ товаръ такимъ-то будетъ доставленъ непременно и отпущенъ въ кредитъ, не смотря на неуплату стараго долга. Будучи закабалены извѣстнымъ торговцемъ и не имѣя возможности вырваться изъ этой паутины, инородецъ поневолѣ дорожитъ своимъ старымъ кредиторомъ, сознавая, что тотъ можетъ сдѣлать съ нимъ все, что угодно. Новый купецъ можетъ предлагать свой товаръ и дешевле, но инородецъ не увѣренъ въ немъ и знаетъ очень хорошо, что, если бы ему вздумалось не явиться на слѣдующій годъ, то прежній кредиторъ не отпуститъ ему ничего даже за деньги и заставитъ скорѣе умереть съ голода. По этой-то причинѣ каждый изъ нихъ и держится уже одного купца, нисколько не соблазняясь предложеніями новыхъ торговцевъ, на постоянство которыхъ онъ не надѣется, или, того хуже, знаетъ, что они явились только временно *). Система зажима практикуется не только въ Сѣверно-Уссурийскомъ краѣ, но вездѣ, гдѣ торговля находится еще въ первобытныхъ условіяхъ: на побережьяхъ Охотскаго моря, въ Камчаткѣ и даже на Командорскихъ островахъ, гдѣ хваленая американская компанія „Гучинсонъ и Колль“ такимъ же путемъ держитъ въ рукахъ ламутовъ и, не имѣя монополіи на бобровъ, ведетъ, тѣмъ не менѣе, дѣло такимъ образомъ, что всѣ они попадаютъ къ ней, а постороннему человѣку, развѣ только въ видѣ любезности, компанія разрѣшаетъ купить у жителей одну или двѣ шкуры. Безъ этого зажима немислимы бы были такіе случаи, что китаецъ отбираетъ за долги все имущество инородца, его оружіе, даже семью, и тѣ не только не протестуютъ, но являются даже покорными исполнителями.

*) Интересно, между прочимъ, тотъ фактъ, что обыкновенно у скупщиковъ пушнину можно приобрести дешевле, нежели у самихъ инородцевъ, если покупать у послѣднихъ на деньги. Объясняется это просто. Скупщики, ради устраненія подобныхъ случаевъ, нарочно назначаютъ инородцамъ высокія цѣны за пушнину, но такъ какъ торговля эта, въ сущности, мѣновая, то они, вмѣстѣ съ тѣмъ, назначаютъ соответственно высокую цѣну и за свой товаръ. Въ концѣ концовъ инородецъ получаетъ за соболя рубль, а остается въ полной увѣренности, что получилъ за него восемь, такъ какъ эту цѣну назначилъ ему купецъ и на столько отпустилъ товара. Ясно, что если пушнину сунется покупать посторонній, да еще на деньги, то ему придется отдать всѣ восемь рублей.

телями подобныхъ экзекуцій, обязывая нерѣдко еще родственниковъ принимать на себя обязательства несостоятельныхъ должниковъ. Если появленіе русскихъ не общается, само по себѣ, еще ничего лучшаго для инородца, то во всякомъ случаѣ, хотя въ будущемъ, его будетъ уже значительно легче отстоять отъ новыхъ эксплуататоровъ путемъ предполагаемыхъ мѣропріятій (устройство ярмарокъ пушнина, казенные склады, уничтоженіе кабалныхъ записей и пр.)*) и правительственной помощи, потому что китайцы несравненно труднѣе поддаются нашему контролю и, если не будутъ удалены, то на долго еще сохранять свое вліяніе и экономическую власть надъ инородцами. Такимъ образомъ, устранивъ китайцевъ, мы не только ставимъ инородческой вопросъ на ту именно почву, которая необходима по соображеніямъ чисто-политическаго характера, но содѣйствуемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотя въ будущемъ, его лучшей постановкѣ и въ экономическомъ отношеніи. Во всякомъ же случаѣ придется повторить еще разъ, что безъ соответствующей помощи правительства сами инородцы не въ состояніи никогда вырваться на свободу, и это будетъ тѣмъ труднѣе, чѣмъ дольше останутся они въ рукахъ китайцевъ.

Для доставленія инородцамъ болѣе выгоднаго сбыта пушнина и для привлеченія къ этому дѣлу большаго числа предпринимателей изъ русскаго купечества было бы желательно устройство ярмарокъ въ наиболѣе посѣщаемыхъ инородцами пунктахъ и въ извѣстное установленное время. Впрочемъ, мѣры, проектированныя для улучшенія быта инородческаго населенія, а слѣдовательно, и для лучшей постановки пушной торговли, были уже изложены нами ранѣе, при общемъ обзорѣ вопроса объ инородцахъ**).

А. С. Ш.

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ ВЪ ПРИАМУРСКОМЪ КРАѢ.

Извѣстно, что всего труднѣе усваиваются безспорныя истины. Подтверженіемъ этому служить и послѣдній хабаровскій съѣздъ. Не смотря на то, что, какъ говоритъ Кистяковскій, „исторія народовъ и судебныя лѣтописи доказываютъ, что гдѣ существовали жестокіе законы, расточавшіе смертную казнь, тамъ и преступленія были часты“, не смотря на то, что для юристовъ давно стало аксіомою, что устрашеніе и психическое вліяніе наказанія заключаются не въ его жестокости, а въ его неизбѣжности и возможной скорости, большинство членовъ хабаровскаго съѣзда высказалось за смертную казнь, которая должна примѣняться не только къ китайцамъ, но и къ русскимъ. Итакъ истины, выработанныя такими умами, какъ Монтеスキе, Беккарія и Миттермайеръ, признаны хабаровцами ложными. Члены съѣзда покончили съ выводами науки права съ тою же легкостью, какъ и съ вопросомъ объ общинѣ.

Въ самомъ дѣлѣ стоитъ ли возиться съ наукою, рыться въ статистическихъ цифрахъ и фоліантахъ ученыхъ трактатовъ, когда съ чистымъ сердцемъ можно рѣшать вопросы безъ помощи всякой науки. Уже цитированный профессоръ Кистяковскій, имя котораго навсегда займетъ выдающееся мѣсто среди русскихъ юристовъ, весьма остроумно замѣтилъ, что „криминалистъ можетъ сказать: сообщите мнѣ свѣдѣнія объ одномъ наказаніи, господствующемъ у извѣстнаго народа, и я вамъ проблематически опредѣлю всю систему наказаній, у него дѣйствующихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ степень развитія этого народа“. Въ данномъ случаѣ, конечно, рѣчь

*) Прибавлю, что пока кабалныя записи не будутъ уничтожены, то, въ силу выясненнаго положенія инородческаго населенія, всѣ благія намѣренія на счетъ поднятія экономическаго быта разобьются объ нихъ, особенно, если кредитъ въ этихъ складахъ не будетъ сообразоваться съ потребностями данной минуты въ жизни инородца. Подкладка этихъ складовъ вовсе не должна быть коммерческою; единственная цѣль ихъ—помочь инородцамъ и дать средства имъ вырваться изъ кабалы. Если это будетъ достигнуто, то всѣ потери должны считаться окупленными, и потому, чѣмъ болѣе жизни будетъ вложено въ это дѣло, тѣмъ оно будетъ цѣлесообразнѣе; канцелярщина же заѣтъ его, также какъ заѣдаетъ она переселенческое управленіе.

**) См. № 24 «Восточнаго Обозрѣнія».

можетъ идти только о степени развитія большинства членовъ съѣзда въ Хабаровкѣ, и если развитія не общаго, то, по крайней мѣрѣ, юридическаго.

Все тотъ же профессоръ Кистяковскій приводитъ пять доводовъ, доказывающихъ несправедливость, бесполезность и вредъ смертной казни, которая: 1) не устрашаетъ; 2) имѣетъ деморализующее вліяніе на народъ; 3) неотмѣнима и невознагражима; 4) лишаетъ преступника возможности исправиться; 5) есть остатокъ варварства и несовмѣстима съ чувствами, побужденіями и потребностями народовъ, достигшихъ нынѣшней цивилизаціи“.

Извѣстный итальянскій криминалистъ и одинъ изъ творцевъ уголовной антропологіи Ферри первоначально стоялъ за смертную казнь и даже высказалъ слѣдующія жестокія слова: „Смертная казнь начертана въ каждомъ углу вселенной и въ каждомъ моментѣ міровой жизни. Она безусловно противорѣчитъ праву, такъ какъ, когда она положительно необходима, она совершенно справедлива... Прогрессъ всякаго живаго вида совершается, благодаря постоянному подбору, происходящему путемъ смерти слабѣйшихъ въ борьбѣ за существованіе. Поэтому искусственный подборъ, совершаемый обществомъ въ своей средѣ, посредствомъ истребленія элементовъ, вредныхъ для его существованія, былъ бы согласенъ не только съ правомъ, но и съ естественнымъ закономъ“. Но въ концѣ концовъ и Ферри, безъ всякаго внѣшняго давленія, пришелъ къ выводу, отрицающему цѣлесообразность смертной казни, въ вопросѣ о которой приходится выбирать одно изъ двухъ: или ожидать отъ нея пользы, и тогда примѣнять ее серьезно, убивая тысячи, или отмѣнить ее совершенно, какъ бесполезное страшилище.

Но убивать тысячи—это, пожалуй, покажется жестокимъ даже и для того большинства, которое высказалось за смертную казнь на съѣздѣ въ Хабаровкѣ. На этомъ съѣздѣ нѣкоторые и указывали на то, что частое примѣненіе смертной казни повлекло бы за собою потерю ея своего значенія, тѣмъ болѣе, что собственно для китайца принципъ устрашенія будетъ недействителенъ: „слишкомъ ужъ равнодушно встрѣчаютъ они смерть и привыкли видѣть у себя дома самыя ужасныя виды казни“. Съ точки зрѣнія искусственнаго подбора это замѣчаніе, конечно, значенія не имѣетъ. Но на хабаровскомъ съѣздѣ объ искусственномъ подборѣ не было и рѣчи, тамъ требовали смертной казни исключительно какъ устрашенія, т. е. какъ такой мѣры, которой значенія не признаетъ даже и Ферри.

Устрашеніе, конечно, можетъ вліять не на самого преступника, а на массу народа. Но въ послѣдней еще не загорѣлся пламень гуманности, въ ней всегда есть много врожденной грубости и жестокости. Въ силу этого, по сдѣланнымъ наблюденіямъ, смертная казнь психически вліяетъ на массу далеко не устрашающимъ образомъ, а совершенно противоположно: пріучаетъ ее нагляднымъ образомъ къ пролитію крови и къ взгляду на человѣческую жизнь, какъ „пустую и глупую шутку“. „Вмѣстѣ съ уничтоженіемъ физической жизни преступника, убивается нравственная жизнь народа“,—говоритъ Шлаттеръ. „Смертныя казни служатъ школою варварства и ожесточенія правовъ народа“.

Въ этомъ отношеніи смертная казнь менѣе всего желательна на окраинахъ, гдѣ, влѣдствіе отдаленности отъ умственныхъ центровъ и значительнаго контингента инородческаго элемента, нравы всегда грубѣе. Цѣль уголовной политики—борьба съ преступленіемъ, но неоспоримо, что ничто не содѣйствуетъ такъ этой борьбѣ, какъ смягченіе нравовъ. Чѣмъ же думаютъ смягчать нравы приамурскаго населенія нѣкоторые изъ членовъ съѣзда въ Хабаровкѣ? Путемъ висѣлицъ и ружейныхъ залповъ. Но гдѣ же доводы въ пользу послѣднихъ, которые бы опровергнули науку и ея данныя? Неужели вся наука уголовного права, начиная Беккаріей и кончая современными знаменитыми юристами, ошибается, а нравы лишь хабаровскіе защитники смертной казни и ихъ прародитель Торквемада? И отчего смертная казнь нужна даже для русскихъ въ Приамурскомъ краѣ, если она не при-

знается необходимою закономъ въ Европейской Россіи? Очевидно, что оспариваемое большинство не дало себѣ въ этомъ яснаго отчета, какъ не дало отчета въ вопросѣ о porto-franco и въ вопросѣ объ общинѣ.

Вся бѣда въ томъ, что члены съѣзда занялись вмѣсто мѣстныхъ вопросовъ края такими общими, слишкомъ широкими вопросами, какъ вопросъ о смертной казни, въ которыхъ безъ особой подготовки трудно разобраться и специалистамъ. Да не упрекаютъ насъ члены съѣзда за рѣзкость, но вѣдь нѣсколько комично, когда одни и тѣ же лица хотятъ разрешить въ нѣсколько дней и вопросы объ общинѣ, и о протекціонизмѣ, и о путяхъ сообщенія, и о смертной казни, и послѣ того, какъ эти вопросы имѣютъ громадную литературу, разработаны серьезными учеными, а не диллетантами.

Мы видимъ, что на съѣздѣ сообщено много цѣннаго и серьезнаго, но отнюдь не по общимъ вопросамъ. Гдѣ рѣчь заходила о послѣднихъ, то, судя по отчетамъ, обнаруживалось полнѣйшее незнакомство большинства съ самими азбучными приемами и неумѣніе даже подойти къ этимъ вопросамъ. Нельзя не пожелать, чтобы, если подобные съѣзды будутъ продолжаться и въ будущемъ, на нихъ тщательнѣе избѣгались общіе вопросы, которые только мѣшаютъ правильному разрѣшенію вопросовъ чисто краевыхъ и частныхъ.

М. Гребенщиковъ.

ПУТЕШЕСТВІЕ ИТАЛЬЯНЦА СОМЬЕ ПО СИБИРИ *)

Семилѣтняя невѣста-самоѣдка.—Мѣста малоизвѣстныя даже для туземца.—Дорожныя непріятности.—Самоѣдская музыка.—Встрѣча съ русскимъ миссіонеромъ.—Сравненія православныхъ миссіонеровъ съ протестантскими среди лопарей.—Вѣротерпимость русскихъ.—Самоѣдскій пайтанъ.—Возвращеніе.—Заманчивость посѣтить Ялмалъ.—Значеніе Ялмала въ XVI и XVII вѣкахъ.—Объясненіе существованія древесной растительности въ тундрѣ по берегамъ рѣкъ.—Счастливыя характеры русскаго человѣка.—Этнографическая коллекція въ ибушкѣ рыбопромышленниковъ.—Чему слѣдовало бы поучиться высококультурнымъ народамъ у остяковъ и самоѣдовъ.—Игра въ шашки съ остякомъ.—Выносливость и терпѣливость остяковъ.—Два дня въ остяцкомъ чумѣ.—Обстановка чума.—Времяпровожденіе остяковъ.—Замѣчанія объ ихъ характерѣ.—Сравненіе остяковъ съ самоѣдами.—Занятія остячекъ.—Остяцкія собаки.—Защита остяковъ отъ обвиненія въ жестокости съ женами.—Прекрасный отзывъ о душевныхъ качествахъ жителей Сибири.—Честность остяковъ и самоѣдовъ.

Въ Халепугорскихъ юртахъ путешественникъ встрѣтилъ шаманку, которая въ то же время была и христіанкой. „Это доказываетъ,—замѣчаетъ онъ,—на сколько дѣйствительны труды миссіонеровъ въ этихъ областяхъ, и на сколько ясныя идеи о христіанствѣ сумѣли они внушить инородцамъ“. Тутъ же онъ видѣлъ 7-ми-лѣтнюю дѣвочку-самоѣдку, которая черезъ нѣсколько дней должна была сдѣлаться женой 40-лѣтняго самоѣда, понятно, при калымѣ въ 300 или 400 руб. Желая испытать любовь отца, Сомье предложилъ ему болѣе высокую цѣну, но тотъ наотрѣвъ отказался отдать свою дочь русскому; такимъ образомъ у него оказалось больше родительской любви, чѣмъ у одной русскои женщины, живущей въ этихъ мѣстахъ, которая за 600 руб. продала свою дочь одному самоѣду. 25-го (16-го) августа путешественникъ отправился дальше. Повидимому, эти мѣста были малоизвѣстны даже самимъ туземцамъ: они не знали ни размѣра встрѣчавшихся острововъ, ни названій, часто называли различно одну и ту же мѣстность, или давали одно названіе разнымъ мѣстамъ. Окружающіе виды—вода и низкіе берега—были чрезвычайно печальны, предназначены какъ будто для того, чтобы нагонять меланхолію и тоску по родинѣ; плывя по безчисленнымъ протокамъ, гребцы часто сбивались съ настоящей дороги, дѣлали крюки, и такимъ образомъ неизводительно тратилась бездна времени,—все это было способно привести въ уныніе крайняго оптимиста и не могло улучшить невеселое настроеніе духа нашего путешественника; къ этому прибавьте суходѣніе, вѣчный свинцовый цвѣтъ воды и неба, только 5 или 6° тепла, чуть не тропи-

чeskій дождь, сопровождаемый пронзительнымъ вѣтромъ,—тогда станетъ понятна утомительность путешествія, какъ „человѣкъ ни бываетъ расположенъ находить красоты тамъ, гдѣ ихъ нѣтъ на самомъ дѣлѣ“. Скуку этого путешествія нѣсколько облегчалъ (или, пожалуй, нагонялъ еще больше) самоѣдскій музыкантъ и пѣвецъ, находившійся въ числѣ гребцовъ. „Самоѣдская музыка еще хуже остяцкой; послѣдняя имѣетъ цѣлыхъ 3 музыкальныхъ инструмента, а первая только одинъ, да и то заимствованный у остяковъ (домбра)“. Изъ самоѣдской музыки и пѣсенъ, слышанныхъ нашимъ путешественникомъ, онъ вывелъ самое низкое понятіе объ ихъ музыкальныхъ способностяхъ.

„Пѣсни, которыя часто пѣли мои гребцы,—говоритъ онъ,—были составлены изъ 3 нотъ, до безконечности повторявшихся, всегда съ одинаковымъ ритмомъ, то громче, то тише, но постоянно въ минорномъ тонѣ, въ носъ, безъ словъ, съ какимъ-то звукомъ ongh“. Прибывъ на станцію Мура, авторъ встрѣтился съ миссіонеромъ и псаломщикомъ изъ остяковъ (2-й случай знающаго грамоту остяка, котораго зналъ Сомье); этотъ псаломщикъ былъ и переводчикомъ, потому что миссіонеръ не зналъ ни слова ни поостяцки, ни посамоѣдски, хотя и прожилъ 10 лѣтъ въ Обдорскѣ.

„Легко можно понять, какое благотворное вліяніе производила его проповѣдь на инородцевъ, которые, въ свою очередь, за исключеніемъ „денги“ и „водка“, не знаютъ ни одного слова порусски“. Вопросу о значеніи миссіонеровъ авторъ посвятилъ нѣсколько страницъ и высказываетъ на этотъ счетъ взгляды, къ которымъ уже давно пришли незаинтересованные и здравомыслящіе люди. Въ заключеніе, онъ сравниваетъ здѣшнихъ миссіонеровъ съ лаландскими: „тамъ протестантскіе миссіонеры, совершенно вѣрно понимая свое назначеніе, сумѣли привить неофитамъ нравственныя понятія (moralizaze), изучали туземный языкъ, переводили и печатали книги и научили лопарей читать. Здѣсь же, наоборотъ, нѣтъ ни одной печатной книги ни на самоѣдскомъ, ни на остяцкомъ языкѣ“*). Проводя далѣе параллель между отношеніемъ къ инородцамъ у шведскаго и русскаго правительствъ, онъ старается доказать, что послѣднее и не можетъ приложить такой отеческой заботы къ своимъ чуть не 3 десяткамъ (дикихъ варварскихъ) народовъ, между тѣмъ какъ лопарей всего нѣсколько тысячъ. Говоря объ отношеніяхъ между инородцами и живущими среди нихъ русскими, авторъ упоминаетъ, что послѣдніе нѣсколько не возмущаются самой чудовищной смѣсью языческихъ и христіанскихъ вѣрованій инородцевъ, частью по индифферентизму, частью потому, что хотятъ сохранить съ ними хорошія отношенія. Кромѣ того, русскіе чрезвычайно терпимы къ другимъ религіямъ: „Ихъ быстрое распространеніе среди столькихъ народовъ поставило ихъ въ сопркосновеніе съ весьма различными религіями, отъ шаманизма до буддизма, но, не смотря на это, въ исторіи ихъ завоеванія встрѣчается очень мало случаевъ религіозныхъ преслѣдованій“. Въ томъ же селеніи, гдѣ авторъ встрѣтился съ миссіонеромъ, ему удалось также присутствовать на „опытѣ магическаго искусства шамана“. Это представленіе не произвело на него особеннаго впечатлѣнія; онъ даже можетъ думать, что это было не что иное, какъ комедія, сыгранная для иностранца; по крайней мѣрѣ, онъ не видѣлъ тутъ никакой особенной экзальтаціи со стороны шамана. Путешествіе Сомье къ устью Оби не пошло далѣе селенія Нипте. Позднее время, отвратительная погода, почти полное отсутствіе населенія—все это заставило его отказаться отъ дальнѣйшаго плаванія и удовольствоваться изученіемъ того крайняго пункта Ялмалскаго полуострова, до котораго онъ достигъ. А между тѣмъ, посѣтить Ялмалъ было заманчиво: еще ни одинъ натуралистъ не былъ тамъ, исключая ученыхъ съ „Веги“, посѣтившихъ только крайній сѣверъ его; но ни Зуевъ, ни бременская экспедиція, ни По-

*) На сколько знаетъ авторъ, на самоѣдскомъ и зырянскомъ языкахъ напечатаны только грамматики и словари, составленные Кастреномъ и Альквистомъ, финляндцами, преслѣдовавшими филологическія, а не воспитательныя цѣли.

*) См. «Восточн. Обзоръ», № 36-й.

ляковъ, не заходили такъ далеко, какъ нашъ авторъ. Изъ этого ясно, что въ топографическомъ отношеніи эти мѣста совершенно неизвѣстны. Но съ большимъ вѣроятіемъ можно думать, что не такъ было въ старину: въ XVI и въ началѣ XVII вѣка между Бѣлымъ моремъ, Печорой и устьемъ Оби существовало довольно значительное торговое движеніе; англичанинъ Бѣрроу (Birrough) встрѣчалъ въ 1556 году русскія суда (ладьи), шедшія изъ Холмогоръ къ устью Оби. Объ этихъ торговыхъ сношеніяхъ также упоминаютъ англичане Гордонъ, Финчъ, Логинъ и Пѣреголовъ. Въ этихъ мѣстахъ, гдѣ уже начинается „царство обнаженной тундры“, вниманіе путешественника привлекли къ себѣ отдѣльныя группы деревьевъ, встрѣчающіяся по берегамъ рѣкъ, подобно тому, какъ на Альпахъ встрѣчаются группы деревьевъ среди вѣчнаго снѣга. Это зависитъ, по его мнѣнію, оттого, что здѣсь деревья съ сравнительно высокими стволами лучше защищаемы; затѣмъ, здѣсь весной вода не застаивается и не дѣлаетъ почвы крайне болотистой, какъ это бываетъ на равнинахъ, а стекаетъ въ рѣку вслѣдствіе наклоненія почвы къ ложу рѣки; кромѣ того, температура окружающаго воздуха на берегахъ рѣкъ нѣсколько выше, чѣмъ на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, что зависитъ отъ скопленія въ одномъ мѣстѣ большаго количества воды; при всемъ этомъ находящаяся здѣсь растительность нѣсколько защищена отъ холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ наклоненіемъ береговъ къ рѣкѣ. Исчезновеніе растительности не зависитъ исключительно отъ положенія извѣстной мѣстности надъ уровнемъ моря: изъ путешествій Гофманна, Ковальскаго и Шренка извѣстно, что на Уралѣ ель доходитъ до 67° с. ш., а лиственница до 68°, т. е. до такого градуса, подъ которымъ на російской и сибирской низменности эта древесная растительность исчезаетъ (исключая теченіе рѣкъ); это исчезновеніе происходитъ отъ крайней влажности почвы и отъ крайне низкой ея температуры; Миддендорфъ ошибается, приписывая это исключительно зимнимъ морозамъ. Въ томъ же селеніи Нипте Сомье пришлось не въ первый и не въ послѣдній разъ подивиться выносливости и счастливому темпераменту русскаго человѣка; описавъ маленькую, ветхую и грязную избушку, въ которой живутъ русскіе рыбопромышленники-работники, онъ замѣчаетъ: „Даже и здѣсь счастливый темпераментъ этихъ людей остался неизмѣннымъ. Судя по ихъ веселости и постояннымъ шуткамъ, можно бы было сказать, что они совершенно довольны своей судьбой. Вознагражденіе, получаемое ими, совершенно не пропорціонально суровымъ условіямъ ихъ жизни. Старшій (сароссія) получаетъ за лѣто 40 р., а остальные по 25“. Кромѣ денежной платы, они еще получаютъ небольшое количество ржаной муки, чаю, сахару и табаку. На одной изъ слѣдующихъ станцій, Иерь-салѣ, путешественникъ встрѣтилъ цѣлую этнографическую коллекцію—двѣ русскія рыбопромышленныхъ семьи, пару остяковъ и татарина, „въ совершенной гармоніи“ живущихъ въ тѣсной избушкѣ. Нашъ авторъ, приѣхавъ туда въ полночь, всѣхъ разбудилъ, велѣлъ наставить самоваръ, вокругъ котораго не замедлили собраться всѣ обитатели. „Вскорѣ собесѣдниками начало овладѣвать веселое настроеніе. Первая шутка была выкинута хозяиномъ, давшимъ татарину кусокъ бѣлой соли, который этотъ послѣдній принялъ за сахаръ и положилъ въ ротъ. Обманутый татаринъ, чтобы отомстить и засластить себѣ во рту (addolcirsi), бросилъ къ хозяйкѣ и далъ ей нѣжный поцѣлуй,—общій взрывъ хохота,—и шутки, такъ хорошо начатыя, долго еще не прекращались“. По пути авторъ посѣтилъ нѣсколько инородческихъ кладбищъ, гдѣ, однако, ничего интереснаго не оказалось; подлѣ Хеманьольскаго мыса видѣлъ много нагруженныхъ всякимъ добромъ нартъ, оставленныхъ самоѣдами, въ полной увѣренности, что ихъ никто не тронетъ. Гофманнъ рассказываетъ, что остяки, встрѣчаясь съ такими оставленными нартами, осматриваютъ ихъ, въ какомъ онѣ состояніи и даже дѣлаютъ необходимыя исправленія. „Эта забота о чужой собственности по справедливости могла бы служить примѣромъ для самыхъ цивилизованныхъ народовъ“,—замѣ-

чаетъ авторъ. Въ большой Пуйковѣ путешественникъ, къ своему удивленію, увидѣлъ шашечницу, игралъ съ остякомъ въ шашки и былъ имъ побѣжденъ; этотъ остякъ доказалъ ему, „что эти сыны сѣвера, хотя всѣ ихъ способности направлены почти исключительно на поддержаніе собственной жизни среди тѣхъ тяжелыхъ внѣшнихъ условій, въ которыхъ они живутъ, всетаки, способны сосредоточиваться на предметахъ, не относящихся къ ихъ практической жизни“. Условія ихъ жизни, дѣйствительно, весьма тяжелы. Вотъ что говоритъ Сомье по поводу своихъ гребцовъ-остяковъ: „Не смотря на вѣтеръ, холодъ и дождь, эти несчастные остяки, поднимаемые въ полночь, должны оставлять семью и идти гребти неопредѣленное время. Потомъ, оставшись на слѣдующей станціи, въ случаѣ противнаго вѣтра, они должны иногда ждать нѣсколько дней, не имѣя возможности вернуться домой. Но, повидимому, они нѣсколько не чувствовали тяжести своей столь суровой жизни“.

Самому путешественнику пришлось, вслѣдствіе невозможной погоды, прожить два дня въ Халепугорскихъ юртахъ среди остяцкой обстановки. Предоставимъ самому автору описывать это пребываніе: „Два дня я прожилъ здѣсь жизнью остяковъ. Въ чумѣ было довольно тепло; березовая кора, на которой всѣ щели были старательно заткнуты, хорошо защищала отъ снѣга, хотя и была влажна внутри отъ воды, стекавшей отъ средняго дымоваго отверстия; тамъ теплый воздухъ расплавлялъ снѣгъ. По срединѣ горѣлъ прекрасный огонь, согрѣвавшій обращенныя къ нему части тѣла, но холодный вѣтеръ, проникавшій чрезъ открытый входъ и свободно разгуливавшій по чуму, леденилъ прочія, и, чтобы не зябнуть, нужно было повертываться вокругъ огня, какъ на вертелѣ. Дверь необходимо нужно было держать открытой, чтобы пропускать хоть немного свѣта, такъ какъ центральное отверстіе надъ огнемъ было почти загорожено концами жердей, составлявшихъ скелетъ чума, и завалено снѣгомъ. Это постоянное возобновленіе воздуха имѣло, по крайней мѣрѣ, спасительное дѣйствіе для обонянія, едва выносившаго запахъ, который издавало остяцкое платье и грязная утварь, болѣе или менѣе пропитавшіяся рыбимъ жиромъ; запахъ этотъ въ герметически закрытыхъ и жарко натопленныхъ юртахъ бываетъ до такой степени невыносимъ, что непремѣнно долженъ заставить лишиться чувствъ человѣка съ слишкомъ деликатнымъ обоняніемъ. Однако дымъ, не смотря на такую простую, но дѣйствительную вентиляцію, постоянно вызывалъ слезы изъ глазъ. На полу было легче дышать, хотя очень холодно. Хозяева чума проводили все время въ болтовнѣ и смѣхѣ, не имѣли никакого другаго дѣла, какъ только пить чай, ѣсть, курить и закладывать порціи табаку въ ротъ и въ носъ. Мачиха-природа, давшая имъ, повидимому, такъ мало радостей, обречшая ихъ на такія лишенія и на такую суровую жизнь, дала имъ взамѣнъ вѣчно хорошее настроеніе духа, терпѣніе и равнодушіе ко всякому испытанію судьбы—качества драгоценныя, можно сказать, незамѣнимыя для перенесенія подобнаго существованія. Когда они должны работать, они дѣлаютъ это не жалуясь; когда разорвавшія свои оковы стихіи принуждаютъ ихъ къ праздности, они умѣютъ по своему наслаждаться этимъ dolce far niente. Огонь и дымъ чума для нихъ тоже, что солнце для неаполитанскаго лаццароне. Проживъ довольно много дней съ самоѣдами и снова очутившись среди остяковъ, я замѣтилъ существенную разницу въ характерахъ (indole) этихъ народовъ: самоѣды, болѣе крѣпкіе и болѣе смѣлые, показались мнѣ гораздо менѣе веселыми и легкомысленными, нежели остяки. Женщины здѣсь, какъ и во всѣхъ странахъ міра, обнаруживали гораздо болѣе прилежанія къ работѣ, чѣмъ мужчины: однѣ приготавливали нитки изъ оленьихъ жилъ, разрѣзанныхъ на тоненькія полоски, держа одинъ конецъ во рту, а другой скручивая между ладонями, на щекѣ или на колѣнѣ; другія, вынувъ изъ мѣшка, служащаго имъ ридикюлемъ (nécessaire), мѣховые лоскуты, починали шубы; третьи, наконецъ, ложили (vasehiavano) выдѣланную оленью кожу, чтобы сдѣлать ее бѣлой и мягкой. Старухи прерывали по временамъ свою работу,

чтобы заложить себѣ, какъ мужчины, между нижней губой и зубами, щепотку молотаго (in polvere) табаку, сопровождаемаго это небольшимъ количествомъ *votlieb'a* въ качествѣ затычки (*tuffa*); все это, оттопыривая губу и окрашивая ротъ въ табачный цвѣтъ, дѣлало еще болѣе безобразными ихъ лица, которыя не нуждались въ этомъ прибавленіи, чтобы быть противными для нашихъ эстетическихъ понятій. *Votlieb*—вещество, драгоценное для остяковъ. Они получаютъ его посредствомъ скобленія листовичнаго дерева на мельчайшія ленточки, изъ которыхъ получается родъ пакли. Онъ служитъ для различныхъ потребностей: мужчины дѣлаютъ изъ него пыжи для винтовокъ, кладутъ въ ротъ послѣ щепотки табаку, женщины обтираютъ имъ домашнюю утварь, дѣтей и пр. Занятіе, которому особенно долго предаются зырянки, самоѣдки и остячки—тереть въ рукахъ шубы, вымоченныя дождемъ или снѣгомъ, которыя иначе, высыхая, становятся жесткими; только такимъ образомъ восстанавливается мягкость и эластичность малицы, и на такую работу едва достаточно цѣлаго дня. Остячки до такой степени привыкли къ этому движению рукъ, что, повидимому, оно сдѣлалось у нихъ автоматическимъ. По временамъ вставала какая нибудь изъ женщинъ, чтобы выгнать собаку, тихонько пробравшуюся, чтобы стащить какой нибудь лакомый кусокъ. Собаки, по большей части, были на дворѣ, въ снѣгу, который, казалось, былъ ихъ настоящей стихіей. Автору отъ русскихъ рыбаковъ иногда случалось слышать, что остяки своихъ собакъ любятъ больше, чѣмъ своихъ женъ; женщины не имѣютъ тоже имени, а называются жена, дочь такого-то. Но авторъ никогда не замѣчалъ дурнаго обращенія остяковъ съ женами, и, наоборотъ, часто видѣлъ ласки. Большое количество собакъ обясняется тѣмъ, что ихъ мѣхъ съ длинной, тонкой и густой шерстью идетъ на украшеніе малицы и пани; кромѣ того, онѣ оказываютъ услуги пастухамъ оленьихъ стадъ, употребляются для охоты и для упряжи въ нарты. Эти собаки той же породы, какой и лапландскія, и исчезаютъ выше по Оби. Въ этихъ юртахъ автору пришлось познакомиться съ суррогатомъ чая—листьями княженики (*Rubus arcticus*). Чай извѣстенъ всемъ остякамъ и самоѣдамъ и составляетъ ихъ любимый напитокъ. Если нѣтъ водки, онъ для нихъ то же, что для лопарей кофе, который почти всемъ неизвѣстенъ даже для русскихъ этихъ странъ. „Когда наступилъ вечеръ,—продолжаетъ Сомье описаніе своего пребыванія въ чумѣ,—зажигалась лампа, не производившая, конечно, блестящаго освѣщенія. Она была сдѣлана изъ крышки глинянаго горшка русской фабрикаціи, наполненной рыбьимъ жиромъ; въ качествѣ свѣтильни былъ прилаженъ кусокъ веревки. Но и такая лампа есть уже роскошь, рѣдкая у остяковъ и совершенно неизвѣстная самоѣдамъ, которые даже въ длинныя зимнія ночи довольствуются свѣтомъ очага. Въ этомъ они очень отличаются отъ гренландцевъ и чукчей, которые употребляютъ лампу подобнаго же рода, но только ея пламя очень велико и служитъ имъ не только источникомъ свѣта, но и тепла. 8-го сентября (27-го августа) распрощался наконецъ нашъ авторъ со своими халепугорскими друзьями, а 10-го сентября (29-го августа) прибылъ въ Обдорскъ послѣ 17-дневнаго плаванія, проплывъ впередъ и обратно до 710 верстъ. Во время плаванія до Березова погода стояла прекрасная и подарила нашему путешественнику нѣсколько поэтическихъ минутъ. „Осенняя окраска придавала лѣсу болѣе разнообразія. Изъ темной, неподвижной зелени елей и сосенъ выставлялись потемнѣвшіе листья березъ и свѣтлая зелень листовниці. Рябины издали можно было узнать по ихъ зелени, сдѣлавшейся всемъ красной. Эти разнообразные цвѣта сливались въ одно гармоническое цѣлое, когда лѣса были освѣщены послѣдними лучами заходящаго солнца. Тогда деревья выдѣлялись яркой линіей на свѣтломъ небѣ, бросая свои разноцвѣтныя отраженія на зеркало гигантской рѣки. Была какая-то чарующая прелесть въ глубокомъ покоѣ этихъ тихихъ вечеровъ, въ которые воздушные и водяные обитатели казались довольными своимъ существованіемъ. Въ эти мгновенія можно было совершенно забыть тѣ долгіе мѣсяца, въ продолженіе которыхъ жизнь

такъ была парализована льдами, и повѣрить, что даже и здѣсь можно жить счастливо“ (446). Въ продолженіе этого пути остяки-гребцы опять показывали свою удивительную неумоимость въ греблѣ: такъ нашъ авторъ видѣлъ одного молодого остяка, работавшаго цѣлыхъ 27 часовъ съ небольшими остановками, необходимыми для того, чтобы съѣсть кусокъ чернаго хлѣба, помоченнаго въ рыбій жиръ; „и такіе примѣры неумоимости я видѣлъ часто между остяками“,—заключаетъ авторъ. Объ умственныхъ качествахъ остяковъ путешественникъ замѣчаетъ такъ: „Остяки, чѣмъ дальше отъ страны самоѣдовъ, тѣмъ больше показываютъ интереса и дѣтскаго любопытства къ предметамъ незнакомымъ, какъ, напримѣръ, бинокль, ружье, заряжающіяся съ казенной части (а *retrocarica*), компасъ и т. п., между тѣмъ какъ ниже по Оби они обнаруживаютъ большія равнодушія и апатіи, удивляясь только тѣмъ предметамъ, употребленіе которыхъ понимаютъ, какъ сапоги и платье, сдѣланные иначе, нежели у нихъ“. И въ постройкахъ, по мѣрѣ поднятія вверхъ по Оби, замѣчается то же различіе: чумы замѣняются юртами, такъ что у Березова подвижныя жилища всемъ исчезаютъ. По мѣрѣ же приближенія къ Самарову и на юртахъ стало замѣтно русское или татарское влияніе: онѣ стали обширнѣе и часто состояли изъ 2 отдѣленій. Волкообразныя и длинношерстныя собаки смѣнились какими-то выродившимися собаками разной величины. Количество водныхъ птицъ значительно уменьшилось. Въ Березовѣ *) Сомье оставилъ одного изъ своихъ переводчиковъ, казака Матвѣя Клипикова; онъ чрезвычайно хвалитъ его расторопность, особенно пригодившуюся въ сношеніяхъ съ остяками и самоѣдами, рекомендуетъ его тѣмъ изъ своихъ читателей, которые бы вздумали поѣхать въ эти страны, совѣтуя только подальше прятать отъ него водку, такъ какъ онъ на переднемъ пути успѣлъ въ 5 дней выпить 17 бутылокъ,—количество, приведшее нашего итальянца въ немалое удивленіе. Разставаясь съ этими странами, Сомье бросаетъ ретроспективный взглядъ на свое путешествіе и вкратцѣ повторяетъ своимъ читателямъ главнѣйшія свѣдѣнія о природѣ и жителей этихъ областей. О жителяхъ у нашего автора сложилось самое благопріятное мнѣніе: „Я долженъ съ похвалой отозваться о прекрасныхъ душевныхъ качествахъ (*alla buona indole*) различныхъ народовъ, живущихъ въ посѣщенныхъ мною сѣверныхъ странахъ. Со стороны живущихъ тамъ русскихъ я встрѣчалъ всегда радушный и любезный пріемъ; ихъ дома были открыты для меня самымъ гостепріимнымъ образомъ **); они никогда не показывали неудовольствія, за то безпокойство, которое я причинялъ имъ; напротивъ, они всегда были рады принять чужестранца и помочь ему во всякомъ дѣлѣ. Среди зырянъ я находилъ тотъ же хорошій пріемъ. Хотя у остяковъ и самоѣдовъ гостепріимство и не обнаруживалось въ такихъ вѣжливыхъ формахъ, но я, всетаки, не могу пожаловаться на ихъ пріемъ; они никогда не выражали ни малѣйшаго признака неудовольства противъ меня. Принимая во вниманіе низкій культурный уровень этихъ народовъ, можно только удивляться, находя въ нихъ такія хорошія качества. Ихъ общая честность заслуживаетъ особенной похвалы. Въ продолженіе всего путешествія у меня не было ни малѣйшей покражи, хотя каюта лодки всегда оставалась открытой въ мое отсутствіе, и предметы, могущіе возбудить у этого бѣднаго люда желаніе похитить ихъ, были въ полномъ ихъ распоряженіи“.

П. Головачевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

*) За все время путешествія въ лодкѣ отъ Самарова до Нипте и обратно Сомье посѣтилъ 131 станцію. Всехъ гребцовъ было у него 655, которымъ онъ заплатилъ въ общей сложности 183 рубля, т. е. около 1 1/2 коп. на версту и на человѣка.

**) Авторъ съ большей благодарностью отзывается о лицахъ, оказавшихъ ему радушный пріемъ на рыболовныхъ станціяхъ по Оби, и подробно описываетъ свое знакомство съ ними, напр., съ Плотниковымъ въ Малой Пуйковой, Гитзровыми въ Большой П., съ Тополевыми въ Халепугорскихъ юртахъ, съ Добровольскимъ, Проводниковымъ и др.

Д О Р О Ж Н Ы Я С Ц Е Н Ы .

(ИЗЪ ЛѢТНИХЪ ЭСКИЗОВЪ).

ТЯЖЕЛАЯ ДОРОЖКА.

Лѣтвѣй палачій день передъ Петровками. На дорогѣ стоятъ мужики. Дорога представляется въ видѣ безконечныхъ рытвинъ и буераковъ, нося слѣды высохшей и застывшей грязи. Мужики съ лопатами въ рукахъ смотрятъ уныло въ даль, другіе лежатъ въ тѣни подъ кустиками, около дороги. Въ сторонѣ же видны огромные балаганы, покрытые травой и берестой, а кое-гдѣ раскиданы маленькія кучки песку, скорѣе для видимости. Жара была смертная. Лежащіе на брюхѣ крестьяне лѣниво переговаривались.

— Чортъ ее поправитъ!—говорилъ одинъ.

— Вотъ только дождь опять, братцы... ее такъ размоетъ, что колесья не вытащишь. Помните, какъ намердился!

— И правятъ, братцы, правятъ—сколько силы положено, а толку мало, только народъ гоняютъ...

— Одинъ говоритъ—дѣлай такъ, другой—дѣлай „эдакъ“, и толку не дашь!—замѣтилъ уныло кто-то.

— А слышали ли вы, братцы, какъ ачинскій исправникъ дорогу срывалъ... въ прежніе годы. Не слышали? А занятно. Выгнали также мужиковъ, а онъ вмѣсто того, чтобы насыпъ дѣлать, приказалъ весь грунтъ свезти, говорить, глаже будетъ...

— Что же вышло?

— Само собою, насыпъ сняли, дорога ложбиной вышла, вода въ нее и потекла, и пришлось по водѣ ѣздить. Значить вышло хуже прежняго. Ну, исправника перевели, а дорога такъ съ тѣхъ поръ и не можетъ исправиться.

— А что, братцы, кабы эту дорогу сразу наладить!—сказалъ кто-то.

— Сразу! больно ты прытокъ. Шутка—для такой дороги грунту навозить...

— А ты вотъ что скажи,—вступился кто-то изъ дорожниковъ:—что за распорядокъ такой, что эту дорогу должны править наши крестьяне не по участкамъ, кому ближе къ ней, а навыворотъ: дальніе крестьяне за 200 верстъ ѣдутъ сюда, а ближніе въ другую сторону... отъ своей дороги ступай? Развѣ нельзя каждому одинъ участокъ опредѣлить и не гонять зря?...

— Значить, нельзя...—сказалъ сумрачно кто-то.

— Отчего?!

— Очень просто: теперь какъ сгонять съ дальнихъ волостей на дорогу, мужикъ-то и запоетъ пѣсню, восчувствуетъ—отпусти, батюшка! на, возьми, что хочешь! А тогда, какъ каждому близко будетъ свой участокъ поправить, онъ и безъ заботушки выйдетъ, не поклонится...

— Ну, что жъ, каждый свой ближній участокъ легче поправитъ...

— Вѣрно, братъ, да засѣдателю дохода не будетъ...

Вдали показалась пыль, а затѣмъ загремѣли и колокольцы. Стоящіе на дорогѣ сторожевые приставили ладони къ глазамъ.

— Вставай, ребята, — послышалось въ кустахъ:—никакъ—засѣдатель!—А затѣмъ вылѣзли на дорогу сонныя фигуры и

взялись за лопаты. Кто-то даже поплевалъ на руки. Бубенчики приближались. Наконецъ, подкатила и кибитка. Изъ нея выскочилъ бойкій, высокій, здоровый, откормленный, какъ прусакъ на кухнѣ сибирскаго мужика, засѣдатель, съ черными торчмя усами, приличнымъ животомъ, свѣтлыми пуговицами и глазами, пожирающими мужика. Едва онъ подкатилъ къ балаганамъ, какъ нутро его издало уже хриплые звуки, заглушавшіе звуки колокольчиковъ.

— Ну, что вы стоите, каналы, дьяволы, гдѣ щебень, галька, гдѣ подрядчикъ?! Стенанова сюда! Галька, щебень... Черти проклятые!

— Щебню и гальки не сыскано, ваше благородіе; гдѣ ее взять!—послышался робкій отвѣтъ.

— Гдѣ взять! ахъ, вы, подлецы, негдѣ взять!

— Коли инженеръ горный тутъ не нашель, такъ намъ гдѣ же?

— Какой инженеръ?

— Недавно проскакалъ, ребята сказывали, тоже по дорогамъ гальку искалъ, сколько ямъ изрылъ—на четыре сажени копали.

— Ничего, говорить, пѣтъ, а открылъ только галанскую сажу.

— Какую сажу?!

— Точно такъ, сажу, и шесть приказалъ на эфтомъ мѣстѣ поставить.

— Гдѣ староста? староста? староста?!...

— Гдѣ, робята?—онъ вѣдь вотъ сейчасъ квась пиль, куда бы ему дѣваться!—говорили мужики.

— А гдѣ песокъ? Это развѣ песокъ?—закричалъ засѣдатель.

— Точно такъ, глина, ваше благородіе.

— Черти! какъ же вы смѣли? Я приказалъ—песокъ...

— Помилосердуйте, ваше благородіе, вѣдь вотъ его привезли изъ-за 20 верстъ, а много ли его привезешь на таратайкѣ-то. 20 верстъ впередъ, 20 верстъ назадъ на одной лошади-то, въ жару такую...

— О черти, дьяволы! Сказано, не спущу, на Петровки не спущу, пусть хлѣбъ у васъ пропадаетъ, безъ сѣна останетесь.—Мужики стояли и упорно молчали.—Гдѣ подрядчикъ?—Показался заспанный подрядчикъ; засѣдатель и подрядчикъ ушли въ балаганъ. Мужики зорко слѣдили.—Отпустить, или не отпустить?—задавалъ кто-то вопросъ.

— Вѣстимо, отпустить; развѣ можно не отпустить—безъ хлѣба останешься.

— Велика важность ему—твой хлѣбъ...

— А подати?!...

— А что, братцы, эфтомъ инженеръ, на что ему эта сажа?

— Стой, робя, мотри!... Изъ тарантаса староста протащилъ въ балаганъ походный погребецъ засѣдателя. Всѣ ухмыльнулись.

Дѣло, значить, шло на ладъ.

— Какъ ты думаешь—по полтиннику, или четвертаку?...

— Молчи, рыло...

— А что, братцы, теперь эфтогь шесть, что анженеръ поставилъ, на какую онъ потребу? Смотри, смотри!

Изъ балагана вынесли погребецъ; засѣдатель вышелъ такой же бодрый, покрутилъ усы, взглянулъ на дорогу и сказалъ старостѣ мягко:—Такъ, Михѣичъ, подсыпь тутъ маломало, да и съ Богомъ!... Черти!—не утерпѣлъ онъ промолвить, взглянувъ въ сторону дорожниковъ. Дорожники сняли шапки. Кто-то дернулъ старосту за поясъ и тихо спросилъ:

— Сколько?

Староста на спинѣ растопырилъ пальцы и далъ какой-то телеграфный знакъ. Затѣмъ обернулся и высунулъ языкъ.

Мужики почесали затылки. Тройка взвилась, бубенцы загремѣли.

— Ну, ужъ планида!—сказали мужики, отправляясь ломать балаганы.—Вѣдь вонъ какъ время промаячили, ямъ накопили, песку навозили, и все это, братецъ, ни къ чему.

— Такъ вѣрно этой дорогѣ и вѣкъ стоять...

— А сажа?...

— О черти, съ сажой еще! Айда по домамъ!

В Т У Л К А.

Грунтъ песчано-глинистый; дорога ровная и гладкая; дорогу пересѣкаютъ рѣчки и ручьи, чрезъ которые устроены мосты.

Росписаніе на почтовой станціи.

У спуска, подъ горою стоялъ экипажъ на одномъ боку. Дорога представляла грязную, жидкую лаву; купеческая повозка сидѣла по ступицы въ грязи. Около нея суетился ямщикъ. Проѣзжій купецъ также вылѣзъ изъ повозки.

— Что же это такое?... спрашивалъ изумленно купецъ, видимо порядочно вздремнувшій и проснувшійся подъ влияніемъ какого-то неожиданнаго толчка.—Что же это, братецъ?—повторялъ онъ, обращаясь къ ямщику.

— Ступица!—сказалъ флегматично ямщикъ.

— Господи, опять ступица!—воскликнулъ купецъ:—только-что поправили, и опять.

— Ишь дорогу-то,—сказалъ ямщикъ:—развезло: обозъ по нѣ эту станцію два дня шолъ. Что телѣтъ позавязло, а проѣзжающимъ...

— Да что ступица-то?

— Ступица не годится, надо новую...

— О батюшки!—возопилъ купецъ:—на каждой станціи все ступица, да колесо! Это что же будетъ?!

— Тутъ кузница будетъ,—сказалъ въ утѣшеніе ямщикъ.

Скоро подъ горою, у новой только-что выстроенной кузницы купецъ рядился съ кузнецомъ. Кузнецъ стоялъ съ важнымъ видомъ.

— Такъ сколько же?—спрашивалъ томительно купецъ.

— Меньше десяти рублей взять нельзя!

— Бога ты не боишься, за ступицу-то?

— За ступицу! безъ ступицы дальше не поѣдете...

— Да вѣдь ее только-что поправили!

— Дорога, сударь, вонъ на той станціи еще будетъ хуже,—прибавилъ въ видѣ утѣшенія ямщикъ.

— О, Господи, что же ты! побойся Бога, возьми пятитку.

— Какъ угодно!—кузнецъ пошелъ въ кузницу.

— Стой! Бери ступицу! Разбойники, аспиды, грабители вы! Шестой разъ чиню колеса, а новенькія были.

— Мы, сударь, для вашей милости и кузницу на самомъ спускѣ построили, потому здѣсь экипажамъ смерть... Ишь дорога-то!—сказалъ, ухмыляясь, кузнецъ.

— Вы и дорогу-то такую нарочно держите, чтобы грабить... Кузнецъ улыбнулся.

— Часа черезъ четыре, купецъ разсчитывался съ кузнецомъ и, отдавъ бумажку, началъ что-то шептать про себя.—Десять, пятнадцать, еще десять, десять... Господи! да вѣдь я за эфту втулку что прочинилъ, новую повозку могъ купить. Ну, втулка! Чтобъ тебѣ пусто было...

— Счастливо оставаться, сударь! благополучнаго пути! Тамъ подъ горой еще будетъ кузница, новую поставили, заѣзжайте ежели что!

— Нѣтъ, братъ, избави, Господи!

— Ну, тутъ будетъ дорога еще почище, держись купецъ!—сказалъ ямщикъ. Купецъ безнадежно взглянулъ кругомъ въ это море застывшей грязи и угрожающей неизвестности.

Около новой кузницы подъ горой, среди моря грязи, экипажъ опять остановился. Новая кузница сверкала вдали бѣлымъ срубомъ среди чернѣющей массы.

— Что?—воскликнулъ купецъ.—Опять втулка?

— Нѣтъ, втулка, слава Богу!

— А что?

— Осъ пополамъ,—сказалъ флегматично ямщикъ.

Добродушный Сибирякъ.

ХРОНИКА ЖИЗНИ ЗА ГРЕДѢЛЮ.

ЗАГРАНИЧНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Въ болгарскомъ народномъ собраніи послѣ долгихъ преній въ собраніи комиссіи принять былъ открытой подачей голосовъ слѣдующій текстъ отвѣта на рѣчь регентства: „Представители націи, созванные въ чрезвычайную сессию въ это критическое для отечества время, считаютъ долгомъ объявить постыднымъ, низкимъ переверотъ 9-го августа, который былъ исполненъ горстью злонамѣренныхъ лицъ и который взволновалъ, въ негодованіе привелъ болгарскую націю, которая и пожелала подняться вмѣстѣ съ арміею на защиту чести, независимости, короны болгарской, возстановить законный порядокъ и въ то же время потребовать отъ правительства примѣрнаго наказанія виновныхъ въ преступномъ переверотѣ. Болгарскій народъ не находитъ словъ, чтобы выразить удивленіе безпримѣрной самоотверженности, патриотизму князя Александра, который въ обезпеченіе независимости, свободы и правъ нашего государства и для возстановленія добрыхъ отношеній между Россіею и Болгаріею благородно отрекся отъ трона. Представители, народъ твердо надѣются, что послѣ такой громадной жертвы эти отношенія вполне возстанутся. Мы глубоко убѣждены, что всѣ болгарскіе граждане, проникнутые сознаниемъ великой опасности, угрожающей отечеству, силотятся вокругъ правительства и дадутъ ему необходимую помощь и поддержку, чтобы сохранить порядокъ, миръ и внутреннюю безопасность для того, чтобы наше государство вышло изъ кризиса невредимымъ. Народное представительство выражаетъ признательность регентамъ и правительству какъ за мѣры, принятыя съ цѣлью обезпечить странѣ миръ и спокойствіе, такъ и за созывъ въ скоромъ времени народнаго собранія, которое согласно конституціи должно избрать князя на вакантный тронъ. Собраніе внимательно разсмотритъ и вотируетъ предложеніе правительства, къ которому,—намъ пріятно заявить это,—мы питаемъ

полное довѣріе и надѣмся, что своею мудростью и дальновидностью оно съумѣет охранить интересы страны и оборонить ее. Да здравствуетъ Болгарія!“

Газетѣ «Boersen-Courier» телеграфируютъ изъ Софіи, что въ адресѣ, посланномъ депутатами, послѣ закрытія народнаго собранія, принцу Ваттенбергскому, сказано, что объединеніе составляетъ идеалъ болгаръ и что главная доля въ достиженіи этого объединенія принадлежитъ князю. Въ адресѣ, на которомъ до сихъ поръ значится двѣсти подписей, выражена также надежда на возвращеніе князя.

— Тревожныхъ слуховъ о намѣреніяхъ Англіи теперь много, но общественное мнѣніе Европы не придаетъ никакого значенія угрозамъ Англіи и ея воинственнымъ приготовленіямъ, а гораздо болѣе озабочено отношеніями Австріи къ Россіи и Германіи. Вѣнскія газеты констатируютъ, что между Австріею и Германіею произошелъ разладъ и что въ Вѣнѣ крайне недовольны сближеніемъ между Россіей и Германіею, происшедшимъ послѣ визита князя Бисмарка въ Франкенсбадъ и свиданія двухъ министровъ въ Берлинѣ. Соглашеніе между Россіей и Австріею по восточному вопросу дѣйствительно пока не достигнуто. Этому мѣшаютъ мадьяры, энергически выступающіе противъ всякаго компромисса. Тисса заявилъ графу Кальноки, что онъ лишень возможности поддержать политику, которая примиряется съ русскою оккупаціею Болгаріи, такъ какъ это находится въ рѣзкомъ противорѣчьи со стремленіями большинства венгерскаго народа. Ни правительство, ни народъ Габсбургской монархіи не желаютъ войны, но они боятся, что Россія обстоятельствами вынуждена будетъ рѣшиться на такія мѣропріятія, которыя подвергнутъ опасности положеніе Австріи, какъ великой державы, и помѣшаютъ выполненію ея программы относительно свободнаго развитія балканскихъ государствъ. Не менѣе утѣшительныя извѣстія, получаемыя о взаимныхъ отношеніяхъ великихъ державъ. „Князь Висмаркъ,—пишетъ „Кельнская Газета“,—давно уже задавался вопросомъ: стоитъ ли ссориться съ Россіею изъ-за восточныхъ дѣлъ. Онъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ отрицательно, руководствуясь слѣдующими убѣдительными соображеніями. Россія стремится къ новымъ пріобрѣтеніямъ вовсе не изъ алчности. Она безпокойна о другихъ державъ, потому что ея экономическій ростъ невозможенъ при отсутствіи незамерзающихъ портовъ. Поэтому, если бы Германія придерживалась восточной политики, рекомендуемой ей изъ Лондона, то она нарушила бы жизненный интересъ Россіи и вызвала бы вражду великаго народа, котораго ожидаетъ блестящая будущность. Германскій государственный человѣкъ, который преслѣдовалъ бы на востокѣ руссофобскую политику, принялъ бы на себя тяжелую отвѣтственность, такъ какъ онъ неизбежно вызвалъ бы, въ концѣ концовъ, войну на двухъ фронтахъ (einen Krieg mit zwei Fronten). Такой образъ дѣйствій могъ бы быть оправданъ передъ исторіею только въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ вынужденъ насущными національными интересами. На самомъ же дѣлѣ Германія заинтересована на востокѣ въ очень слабой степени“. Русскія и иностранныя газеты продолжаютъ усердно обсуждать вопросъ объ избраніи новаго болгарскаго князя. Называютъ кандидатовъ; звѣшиваютъ ихъ шансы и дѣлаютъ имъ оцѣнку съ точки зрѣнія интересовъ самой Болгаріи и соперничающихъ на Востокѣ державъ.

— Недавно иностранныя газеты указывали на сепаратистскую агитацію, которая ведется въ Норвегіи подъ покровительствомъ радикальнаго министерства Свердрупа и направлена противъ реальной уніи съ Швеціей, замѣнить которую агитаторы желали бы покуда простою личною уніею. По этому поводу въ „Kölnische Zeitung“ напечатана длинная корреспонденція изъ Христианіи, въ которой говорится, что эта агитація имѣетъ на самомъ дѣлѣ болѣе существенную цѣль—полную эмансипацію Норвегіи отъ уніи съ Швеціей и ея преобразование въ республику. Требования, заявленныя министерствомъ Свердрупа, касательно назначенія норвежскаго министра иностранныхъ дѣлъ, равно какъ права для Норвегіи имѣть отдѣльное дипломатическое и консульское представительство на однихъ правахъ съ Швеціей, клонятся единственно къ осуществленію этой цѣли. Формальное предложеніе въ этомъ смыслѣ было внесено въ послѣдній разъ Овамомъ, президентомъ одельстинга и главою республиканской сепаратистской партіи. Это требованіе, однако жъ, на срочное, ибо оно будетъ разсматриваться только въ сессію 1889 года стортингомъ. До тѣхъ поръ будутъ происходить общіе выборы,

которые, по выраженію корреспондента „Kölnische Zeitung“, рѣшаютъ не только вопросъ о жизни и смерти нынѣшняго демократическаго режима, но и вопросъ о поддержаніи или отбѣнѣ уніи между Швеціей и Норвегіей.

— Въ Гагѣ, 8-го (20-го) сентября, открыта сессія генеральныхъ штатовъ. Министръ-президентъ Геескеркъ заявилъ въ рѣчи, что отношенія Голландіи къ иностраннымъ державамъ самыя дружественныя и что положеніе финансовъ удовлетворительно, почему и въ увеличеніи налоговъ не представляется надобности.

— По сообщенію „Агентства Гаваса“, въ Мадридѣ вспыхнуло военное возстаніе. 8-го числа, произошли здѣсь шумныя сцены, во время которыхъ въ толпѣ раздавались крики: „Да здравствуетъ республика!“ Возмутились два эскадрона кавалеріи и 200 пѣхотинцевъ. Открывъ стрѣльбу по часовымъ, они прошли по улицамъ съ криками: „Да здравствуетъ республика! Да здравствуетъ армія! Да здравствуетъ Испанія!“ Противъ возмущившихся посланы были войска, которыя стали стрѣлять по нимъ. Мятежники отступили. Объявлено осадное положеніе.

— Въ американскихъ газетахъ появились извѣстія, по словамъ корреспондента „Новостей“, о намѣреніи нью-йоркцевъ поставить памятникъ Самуилу Тильдену. Самуиль Тильденъ умеръ мѣсяць тому назадъ, оставивъ около девяти десятыхъ своего десятиллионнаго состоянія на различныя благотворительныя цѣли. Самое колоссальное изъ этихъ пожертвованій, состоящее изъ суммы свыше 4-хъ милліоновъ долларовъ и великолѣпнаго дома съ цѣнной бібліотекою, предназначено на устройство большой бесплатной общественной бібліотеки. Къ вѣщему стыду Нью-Йорка, въ городѣ этомъ, имѣющемъ 1.300.000 жителей, нѣтъ ни одной бесплатной бібліотеки. Въ этомъ отношеніи его перецеволялъ любой провинціальный городокъ. Бостонская публичная бібліотека (Circulating Library) существуетъ уже много лѣтъ, и завѣдующіе ею давно пришли къ убѣжденію, что даже въ большомъ городѣ потеря книгъ, раздаваемыхъ бесплатно для чтенія въ частныя руки, совершенно ничтожна. Надо замѣтить, что въ Америкѣ не требуется даже залога для бесплатнаго чтенія, и, не смотря на это, книги пропадаютъ весьма рѣдко. Если «зачитыванье» и случается, то въ общей сложности оно причиняетъ бесплатнымъ публичнымъ бібліотекамъ меньше убытка, чѣмъ вандализмъ разныхъ бібліомановъ и маниаковъ, въ большинствѣ людей достаточныхъ, которые забираются въ бібліотеки, владея рѣдкими изданіями и ухищряются мошенническимъ образомъ вырѣзывать изъ цѣнныхъ книгъ fac-similes и дорогіе гравюры, и тѣмъ портятъ изданія огромной цѣнности и даже такія, которыхъ нѣтъ возможности замѣнить ни за какія деньги. Въ завѣщаніи своемъ Тильденъ, руководствуясь правиломъ: умъ хорошо, а два лучше, съ обычною своею скромностью, предоставилъ окончательное распредѣленіе своихъ капиталовъ тремъ изъ своихъ старыхъ и наиболѣе преданныхъ друзей, съ которыми втеченіе многихъ лѣтъ, конечно, обсуждалъ, какъ лучше употребить милліоны, чтобы принести наибольшую пользу своимъ согражданамъ. За исключеніемъ ассигновокъ въ нѣсколько сотъ тысячъ долларовъ на бесплатныя публичныя бібліотеки въ своемъ родномъ городѣ Нью-Лебанонѣ и другія благотворительныя цѣли, Тильденъ во всемъ полагается на трехъ друзей. Даже устройство въ Нью-Йоркѣ публичной бібліотеки зависитъ отъ нихъ.

СОБЫТІЯ РУССКОЙ ЖИЗНИ.

— Въ „Прав. Вѣстникѣ“ напечатано: „Въ виду существовавшихъ въ послѣднее время между Россіею и правительствомъ князя Александра натянутыхъ отношеній, постъ русскаго дипломатическаго агента въ Софіи оставался незамѣненнымъ. Такъ какъ событія, недавно совершившіяся въ Болгаріи, потребовали присутствія тамъ русскаго представителя, пользующагося надлежащимъ авторитетомъ, то временное завѣдываніе дѣлами дипломатическаго агентства въ Софіи возложено нынѣ на русскаго военнаго агента въ Вѣнѣ, генераль-маіора барона Каульбарса, уже не разъ получавшаго командировки въ различныя страны Балканскаго полуострова. Генераль-маіору барону Каульбарсу предстоитъ въ подробности изучить положеніе дѣлъ въ Болгаріи и своими совѣтами облегчить болгарамъ правильный выходъ изъ кризиса, который переживаетъ ихъ страна.

— 1-го сентября, маневры войск Варшавскаго и Виленскаго округовъ закончились.

— Немедленно по возобновленіи засѣданій государственнаго совѣта, въ соединенныхъ департаментахъ государственной экономіи и законовъ будетъ разсматриваться чрезвычайно важный проектъ преобразования гражданскаго управленія въ области Войска Донскаго.

— Газета „Крај“ сообщаетъ, что въ осеннемъ общемъ собраніи географическаго Общества будетъ разсматриваться проектъ организациіи ученой экспедиціи въ губерніи царства Польскаго съ цѣлью изслѣдованія въ этнографическомъ и бытовомъ отношеніяхъ этого края, на который дѣятельность названнаго Общества до сихъ поръ еще не распространялась.

— Для болѣе успѣшной и дѣйствительной борьбы съ расколомъ и сектантствомъ въ духовныхъ семинаріяхъ съ наступившаго учебнаго года учреждаются вновь особыя каедры по исторіи и обличенію мѣстныхъ раскола и сектантства.

— Духовно-учебный комитетъ, въ видахъ болѣе практическаго воспитанія семинаристовъ и доставленія возможности будущимъ пастырямъ сельскихъ приходовъ оказывать первоначальную врачебную помощь своимъ прихожанамъ, съ наступившаго учебнаго года, по инициативѣ и ходатайству кіевскаго митрополита Платона, вводитъ въ видъ опыта въ учебный курсъ нѣкоторыхъ семинарій преподаваніе народной медицины.

— Со времени открытія дѣйствій крестьянскаго поземельнаго банка по 1-е сентября 1886 года совѣтомъ банка разрѣшено 3,820 дѣлъ о ссудахъ, выдано ссудъ 3,546 на 39.751,381 р. 64 коп. По 1-е сентября 1886 года въ совѣтъ государственнаго дворянскаго земельнаго банка представлено отдѣленіями банка 1,745 дѣлъ о ссудахъ. Разрѣшено 1,352 дѣла о ссудахъ, на сумму 43.050,300 рублей.

— Въ „Правительственномъ Вѣстникѣ“ напечатано: „Въ нѣкоторыхъ газетахъ появились статьи, обсуждающія отпечатанную въ городѣ Ригѣ рекламу издательскаго товарищества на вѣрѣ Г. и Б. Ханковскихъ и Я. Гаярда, въ которой, между прочимъ, заявляется, что учредители приобрѣли уже право на изданіе еженедѣльнаго иллюстрированнаго журнала. Изъ имѣющихся въ главномъ управленіи по дѣламъ печати свѣдѣній оказывается, что никто изъ поименованныхъ лицъ не состоитъ собственникомъ не только иллюстрированной газеты, но и вообще какого бы то ни было періодическаго изданія“.

— „Русскому Курьеру“ пишутъ, что изъ Харьковского университета девяносто пяти студентамъ придется выйти, такъ какъ они не въ состояніи внести платы за слушаніе лекцій; въ касѣ же Общества пособія нуждающимся студентамъ въ настоящее время нѣтъ ни копѣйки, такъ какъ Общество выдало въ началѣ настоящаго учебнаго года на пособія студентамъ 1,874 рубля и осталось безъ средствъ. Поэтому, если частные благотворители не помогутъ этимъ бѣднякамъ, то они будутъ вышвырнуты изъ храма науки. Пособіе необходимо скорое, такъ какъ по новому уставу никакихъ отсрочекъ не полагается.

— Изъ Варшавы въ „Новости“ пишутъ, что въ канцеляріи одного изъ извѣстныхъ мѣстныхъ адвокатовъ работаетъ женщина въ качествѣ помощника. Эта женщина-юристъ такъ хорошо знаетъ законы, судебные порядки и всю адвокатскую часть, что не только вполне самостоятельно ведетъ всю переписку адвоката, составляетъ акты, документы и пр., но даже во время двухмѣсячнаго отсутствія адвоката завѣдовала всецѣло его канцеляріею.

— „Воляжскій Вѣстникъ“ слышалъ, что г. Каронинъ намѣренъ издать въ Казани свои очерки, печатавшіеся на большомъ протяженіи въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ—„Отечественныхъ Запискахъ“, „Словѣ“ и др., прибавивъ къ прежнимъ очеркамъ новые, чтобы, такимъ образомъ, закончить циклъ своихъ прежнихъ повѣствованій, связанныхъ общей идеей и строгимъ единствомъ. Г. Каронинъ, одинъ изъ лучшихъ представителей, такъ называемой у насъ, „народнической литературы“, извѣстенъ болѣе или менѣе всѣмъ и по внутреннему содержанію, и по своей строгой, сжатой, просто симпатичной манерѣ. Но не многимъ извѣстенъ общій смыслъ его рассказовъ, та идея, которая дѣлаетъ ихъ неразрывными и является въ ихъ соединеніи въ одну книгу. Это—бытовая книга русскаго крестьянина, переживающаго послѣ-реформенное десятилѣтіе со всѣми его „новостями“. Какъ и чѣмъ десять лѣтъ „новостей“ отразились

въ душѣ и въ быту крестьянина, про то правдиво повѣствуетъ намъ авторъ, и большинство его рассказовъ проникнуто истинно—художественною правдою.

— „Зарѣ“ сообщаютъ, что недавно въ Херсонѣ выйдетъ въ свѣтъ литературно-общественный сборникъ: „Стенъ“, на русскомъ и малорусскомъ языкахъ. Газета привѣтствуетъ сборникъ, помимо его достоинствъ, какъ одно изъ знаменій пробуждающейся мысли въ провинціи. Медленно, незримо, но растетъ эта мысль и было бы желательнымъ, чтобы публика поддержала сборникъ своимъ сочувствіемъ.

— Первое послѣ лѣтнихъ каникулъ засѣданіе комиссіи по техническому образованію было посвящено, главнымъ образомъ, докладу инспектора учебной части школъ русскаго техническаго Общества В. В. Михайлова о результатахъ экзаменовъ въ школахъ Общества за истекшій учебный годъ. Изъ отчета г. Михайлова слѣдуетъ отмѣтить то отрадное явленіе, что примѣръ школъ не остается безъ вліянія на фабрикантовъ и заводчиковъ. Такъ, опытъ устройства при 2-й нарвской школѣ бібліотеки для рабочихъ вызвалъ намѣреніе со стороны директора Калининскаго завода устроить такую же бібліотеку при этомъ заводѣ. Точно также, по образцу существующихъ при той же школѣ чтеній для рабочихъ съ туманными картинами, нѣкоторыми изъ фабрикантовъ предпринимается устройство этого рода чтеній при ихъ фабрикахъ. Окончаніе доклада г. Михайлова отложено до слѣдующаго засѣданія.

— Въ петербургскомъ „Домѣ трудолюбія“ наблюдается громадный наплывъ бѣлошвеекъ, мастерицъ и портнихъ, охотно соглашающихся работать цѣлый день за 20 копѣекъ. По ихъ рассказамъ, руководѣльный трудъ женщинъ дошелъ въ настоящее время до бывалой дешевизны.

— Газетѣ „Кавказъ“ пишутъ изъ мѣстечка Сигнаха, что въ послѣднее время сельскія общества стали сознавать весь вредъ, какой наносятъ имъ кулаки, и что общества эти сами отъ себя принимаютъ мѣры къ прекращенію кулачества и къ защитѣ своихъ интересовъ. Вотъ примѣръ этому. Въ селеніи Г. уже нѣсколько лѣтъ одинъ изъ сигнахскихъ гражданъ производитъ торговлю. Онъ торгуетъ тамъ не однимъ, а многими предметами. Красный товаръ, мыло, свѣчи, рыба, лампы и вообще всякая всячина имѣютъ мѣсто въ его лавкѣ. Предметы эти онъ продаетъ втридорога, нанося притомъ, при продажѣ ихъ, своимъ потребителямъ обиды и оскорбленія. Кромѣ торговли предметами домашняго потребленія, нашъ кулакъ промышленель и деньгами, отдавая ихъ въ ссуду изъ 5% въ мѣсяцъ; всякую ссуду обставляетъ онъ неустойками и штрафами, въ два или три раза превышающими сумму ссуды и, въ случаѣ неисправности, взыскиваетъ ихъ. Этимъ способомъ онъ не только крестьянъ, но и нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ князей довелъ до разоренія. Сельское общество, сознавъ, наконецъ, всю тяжесть такой эксплуатаціи, рѣшило положить ей конецъ. Оно въ одно прекрасное утро, въ общемъ собраніи мѣстныхъ помѣщиковъ и крестьянъ, составило приговоръ, по которому какъ крестьяне, такъ и князь, обязались ничего не покушать у него и ничего изъ своихъ сельско-хозяйственныхъ произведеній не продавать ему. Нарушившіе это общественное постановленіе подвергаются денежному штрафу. Мѣра эта исполняется на практикѣ. Кулакъ, почувствовавъ всю ея тяжесть, закрылъ свою лавку и удалился въ Сигнахъ, предполагая, однако, что сельское общество опомнится и пригласитъ его открыть опять торговлю необходимыми для него (общества) предметами; но, не удостоившись этой чести, онъ самъ явился въ селеніе Г. и открылъ свою лавку. Между тѣмъ, сельское общество свято исполняетъ свой приговоръ, и кулакъ сидитъ въ своей лавкѣ, тщетно зазывая покупателей.

ОБЪЯВЛЕНІЕ.

Изданіе книжнаго магазина К. Л. РИККЕРА,
въ С.-Петербургѣ. Невскій проспектъ, № 14.

Амуръ, Восточная и Западная Сибирь и Уралъ.
371 оригинальная фотографія, въ 5-ти томахъ. 1868. Цѣна 450 руб.